

Владимир Матвеев

В
О
Ж
Д
Ь

Бастард бога

Annotation

Он и его спутник – продукты генной инженерии далекого будущего. Великолепный воин, лидер, вождь. Его предназначение – объединить вокруг себя разумных нового открытого мира и сделать так, чтобы этот мир стал полноправной частью большой и могучей державы. Но что будет, если в его судьбу вмешается высший жребий?

Нет больше за спиной сильного государства, нет внутренних установок и ограничений, что вложили в него его создатели. Да и мир перед ним совсем не тот, куда он должен был попасть. С ним остались только умения, верный друг, добрые клинки и внутренний порыв, толкающий совершать поступки, согласующиеся только с его понятием чести. Что его ждет впереди? Сможет ли он изменить мир, ставший для него домом?

Каков будет избранный им путь?

Владимир Матвеев

Бастард бога

На выщербленном балконе некогда величественной башни, а сейчас дышавшей на ладан конструкции, стояло трое мужчин: седой старик в длинном балахоне небесного цвета, державший в руках резной посох, и два воина с многочисленными кровавыми повязками на различных частях тела. По всему было видно, что они совсем недавно вышли из боя: кровь, просачивающаяся сквозь намотанные прямо поверх доспехов бинты, еще не засохла и не приобрела свой темно-бурый цвет, а яркими алыми красками разливалась по серым от грязи холстам.

Старик, положив подбородок на навершие посоха, который он держал перед собой, усталыми глазами смотрел на раскинувшуюся внизу равнину, по границам которой, огибая ее по окружности, несла свои воды полноводная и очень широкая река. Из-за ее огромных размеров могло показаться, что не река огибает равнину, а наоборот, суша большим полуостровом, напоминающим разбухшую дождевую каплю, вдается в ее воды.

В мире уже давно хозяйничала весна, поэтому вид на равнину, расцветшую и благоухающую в этот благословенный период, не мог не завораживать. Пожилой мужчина невольно улыбнулся, глядя на все это великолепие, но буквально через миг глаза его наполнились такой тоской и горечью о безвозвратно утерянном, что и так не отличавшаяся великолепной осанкой фигура старого человека сгорбилась еще больше. И, наверное, если бы не посох, на который он облокотился, этот неведомый груз душевных мук окончательно согнул бы его, превращая в безвольную куклу.

С правой стороны от старика стоял большой, просто громадный, детина, облаченный в длинную кольчугу с крупным зерцалом на груди, опоясанный широким поясом, на котором в простеньких ножнах висела великолепная тяжелая сабля, отличительный признак всех урукхаев. Представителем именно этого славного племени воинов-животноводов, которые кочевали по бескрайним равнинам восточных степей, и был этот мужчина, который сейчас опасно смотрел себе под ноги. На его смуглом, с легким медным отливом лице, с массивными надбровными дугами, которые нависали над угольками темных глаз, явственно читалось удивление, почему этот балкон и вообще вся башня еще не рухнули. Занятый этими мыслями, он поднял правую руку, облаченную в кожаную перчатку с нашитыми на ее тыльной стороне стальными пластинами, чтобы почесать себе затылок, но только болезненно поморщился, наткнувшись на окровавленную повязку.

Третьим в этой компании был альв, вернее светлый альв. Представитель гордой и заносчивой расы, отличительными чертами которой был высокий рост, аккуратные прижатые к черепу заостренные уши, светлые волосы и большие бирюзовые глаза. Были еще и темные альвы, отличавшиеся от своих светлых собратьев только цветом кожи, волос и глаз. Обе расы верили в одних и тех же богов. Считали своей колыбелью леса Тивалены, но в то же время были непримиримыми соперниками. Как и на урукхае, на нем была кольчуга. Только, в отличие от доспеха степного воина, она полностью соответствовала своему владельцу и была такой же изящной, как и сам альв. Сплетенная из тысяч блестящих колечек, она казалась невесомой, а носивший ее воин ощущал свою броню как вторую кожу.

Левая рука альва была заключена в лубки и висела на перевязи, перекинутой через шею. Беспольный теперь лук, в обращении с которым альвы, что светлые, что темные, были первые мастера, висел за спиной в украшенном растительным орнаментом налуче. Кисть правой руки покоилась на рукояти тонкого, слегка изогнутого альвийского меча, в навершие которого был вставлен крупный драгоценный камень. Сам меч покоился в резных деревянных ножнах, которые были прикреплены к тонкому поясу, набранному из серебряных блях в виде небольших листьев.

Два воина, два побратима, такие разные и вместе с тем такие одинаковые, ценящие превыше всего ЧЕСТЬ и ПРАВДУ. Не ту правду, которую исковеркал и извратил, теперешние лидеры их народов пытаются навязать всем остальным. А ту, которую им принес их ЛИДЕР, их ВОЖДЬ, их ИМПЕРАТОР, который сейчас наверняка сидит по правую руку от Парона^[1] в дружинном доме вместе с остальными своими воинами. А им прислуживают погибшие от их руки враги.

– Какую страну загубили, ублюдки! – зло сплюнул розовую от крови слюну себе под ноги урукхай и в недоумении поднял густые брови. Уж от этого плевок балкон обязательно должен был рухнуть, но этого не случилось.

– Марук, веди себя прилично, – слегка улыбнувшись, произнес альв. На фоне грубого и хриплого голоса урукхая его голос был чистым и звонким, словно бегущий с вершин Андейского хребта горный ручеек.

– Прилично, Галион? Прилично? – вскипел воин. – Предки этих неотесанных вождишек, каждый из которых видит себя сейчас преемником Криса Великого, еще недавно срали себе на пятки, едва отойдя от семейного шатра. Подтиралась пятерней и ей же лезли в общий котел, чтобы выловить из него лучший кусок мяса. После всего этого начинали выковыривать из зубов грязными от своего же дерьма ногтями остатки пищи. И так жили поколения и поколения, ничего не меняя. Думали лишь о том, как бы набить себе брюхо, захватить в набеge хорошую добычу, задрать подол девке да чтоб были тучные стада. Это я об урукхаях. Да и альвы не лучше, что темные, что светлые. Снобы. Вид постоянно такой, как будто все в этом мире им должны, должны лишь потому, что они ходят с ними по одной земле и дышат с ними одним воздухом. Причем это касается не только других народов, но и своих соплеменников.

Урукхай зло махнул рукой и замолчал, вперив свой взгляд вдаль.

– Что же ты замолчал? – через некоторое время задал ему вопрос альв. – Ты забыл дать характеристику еще гномам, северянам, людям, гоблам.

– Отстань, Галион, ты понял, о чем я хотел сказать, – угрюмо ответил воин, а потом, вытянув руку в противоположную от равнины сторону, произнес: – Вот их благодарность нашему вождю за то, что он показал им, как надо жить.

Старик и альв произвольно повернули головы в указанном направлении, где в голубое небо поднимались густые клубы черного дыма: горела столица их погибшей Родины, последний оплот Правды.

– Мудрейший, – после довольно продолжительного молчания, в течение которого они просто стояли и смотрели на то, как превращается в пепел самый красивый город Тивалены, сказал Марук. – Мы что пришли-то, владыка мертв, тени, его личные телохранители, пали вместе с ним. От Золотого имперского легиона остались только мы с Галионом. Гвардейцы не предали Правды и остались там под стенами столицы, щедро полив своей кровью окрестные земли. Про другие легионы ничего неизвестно, скорее всего, их уже тоже не

существует. Да и ты, Мудрейший, как я вижу, успел повоевать, судя по виду твоей башни.

Впервые за все это время, что троица стояла на балконе, старик в балахоне наконец заговорил.

– Эти неучи, возомнившие себя великими магами, тоже захотели власти, – грустно, с какой-то усталостью в голосе, произнес пожилой человек. – Все мои соратники были отравлены или подло убиты в спину. Меня тоже пытались отравить, но слишком долго я живу, для человека конечно, в этом мире, чтобы умереть от яда.

– Мудрейший, – усмехнулся альв. – Среди моих сородичей тоже мало найдется ваших сверстников.

– Спасибо, Галион, – на лице старого мага появилась ответная усмешка. – Не знай я тебя с молодых лет, подумал бы, что ты мне льстишь.

– А что с магами-то? – спросил Марук.

– А нет больше магов, воин, я уничтожил их всех, а те, кто остался – просто недоучки и шарлатаны.

Маг неожиданно замолчал и закрыл глаза. Урукхай, раскрывший было рот, чтобы что-то спросить, был решительно остановлен альвом, который подошел к нему и, опустив на плечо здоровую руку, отрицательно покачал головой. Наконец затянувшаяся тишина была прервана глубоким вздохом старого человека. И это был вздох не обреченного разумного, а нашедшего в сожженном под корень лесу живой зеленый росток. По щекам быстро пробежали две кристально чистые слезы, спрятавшись в густой седой бороде.

– Слушайте меня, воины, – открыв глаза, ясным, чистым голосом заговорил Мудрейший. – Все вы знаете, что я прожил очень долгую жизнь. И прожил, как мне хочется верить, достойно. За это боги мне на мгновение приоткрыли завесу, отделяющую нас от грядущего.

Урукхай и альв обратились в слух, а маг продолжил, как будто читал какое-то древнее пророчество:

– Придет на Тивалену разумный. Он будет немного похож и на человека, и на альва, и на урукхая, и на гнома. И в то же время сильно будет от них отличаться. Он даст вторую жизнь волкам. Возрожденные кровью встанут за его спиной. Воин и правитель. Добрый с друзьями и беспощадный с врагами. Он прольет реки своей и чужой крови, чтобы сохранить то, что осталось, а потом возродить на пепелище жизнь.

Старый маг хотел сказать еще что-то, но замолчал, и его слушатели не пытались его торопить. Наконец он закончил:

– Это последний шанс для нашего мира, друзья, в противном случае он скатится в такие дебри, что жизни в нем не будет никому. У вас есть сегодняшний день и вся ночь, чтобы убраться подальше от окрестностей столицы, – но взглянув на поднявшееся светило, покачал головой. – Нет, не успеете.

– Почему ты нас хочешь отправить от себя, Мудрейший? – спросил альв. – Мы воины-гвардейцы и бегать, показывая спину врагу, не умеем.

– Да, – поддержал его урукхай.

– Ты не прав, Галион, – покачал головой Мудрейший. – Вспомни, о чем говорил Крис Великий. Можно проиграть сражение, но выиграть войну. Мы проиграли сражение, но война продолжается до тех пор, пока жив хотя бы один солдат. Это тоже говорил он.

– Я помню его слова, но к чему ты их именно сейчас говоришь?

– А к тому. Я телепортирую тебя и Марука за Великую^[2], а потом активирую артефакт

Судного дня.

– Но ведь это верная гибель, даже для тебя, – воскликнул альв.

– Да, но зато я выжгу всю гниль, которая сейчас расползлась по этим когда-то прекрасным землям. И не перебивай меня больше, я принял решение, – увидев, что альв собирается снова что-то сказать, осадил его старик. – Ваша же задача состоит в том, чтобы разумные не забыли Правду и чтобы тому, кто придет, не пришлось начинать с нуля. Поклянитесь мне, что вы исполните мою последнюю волю.

Мудрейший взглянул на Галиона и Марука, ожидая их решения. Переглянувшись, воины синхронно опустили на правое колено.

– Я, Марук эн'Тейп Вихор, перед взором Парона, своей честью и духами предков клянусь выполнить последнюю волю Мудрейшего.

– Я, Галион эн'Тейп Изумруд, перед взором Парона, своей честью и Первоматерью^[3] клянусь выполнить последнюю волю Мудрейшего.

Произнеся слова клятвы, побратимы встали.

– Ради этого стоит жить, друзья, – улыбнулся, глядя на них старый маг. – Я это точно знаю. Прощайте.

Два гвардейца успели лишь почтительно опустить головы, когда неведомая сила переместила их за сотни и сотни верст от полуразрушенной башни одного из величайших магов Тивалены, которого все называли просто Мудрейшим. А когда они подняли головы, то там далеко на востоке в небеса ударил неимоверно яркий столб света, а еще через некоторое время до них добежала горячая волна раскаленного воздуха.

Разумные Тивалены начали новое летосчисление.

Пошел первый год со времен КРАХА.

2??? год. Открытый космос. Орбитальная научно-исследовательская станция «Россия-11»

В центре большого светлого зала с гладкими пластиковыми стенами, в пяти метрах от входной створки, возвышался стеклянный куб, наполненный голубоватой прозрачной желеобразной жидкостью. В его толще плавал молодой парень, от которого отходило огромное количество всевозможных трубочек и проводов. У правой стены, если смотреть от входа, был смонтирован большой голографический экран, перед которым «дирижировал» мужчина с рыжим «вороньим гнездом» на голове, в домашних тапочках на босу ногу и в заляпанном многочисленными пятнами, разнообразными по своей цветовой гамме и форме, когда-то белом халате. Умелые, быстрые руки периодически выхватывали из всевозможных столбцов и диаграмм ведомые только хозяину этого помещения данные, разворачивали их на весь экран, рассматривали, а потом, внеся какие-либо изменения или оставив неизменными, возвращали их обратно. При этом тело парня, находившегося в кубе, после некоторых манипуляций рыжеволосого мужчины начинало сокращаться, иногда очень сильно, из-за чего желеобразный раствор щедро выплескивался на отполированный белый пол.

У левой стены стояли небольшой диванчик, пара глубоких кресел, деревянный столик на низких резных ножках с полированной поверхностью и старомодный торшер с обшитым бархатом абажуром, по краям которого висела бахрома. Диван и кресла были обиты натуральной кожей темно-коричневого цвета, которая уже успела немного затереться и приобрести антикварный вид. Весь этот уголок настолько был чуждым всему остальному, что у любого, вошедшего в это помещение впервые, вызывал на какое-то время ступор. У кого

короткий, у кого более длительный, во время которого вошедший пытался понять, как ЭТО могло оказаться в лаборатории, оборудованной по последнему слову техники. И только внимательные, умеющие вычлнять главное из большого потока визуальной информации, люди могли сразу сказать: это СОКРОВИЩЕ.

В эпоху пластиковой мебели, синтетических материалов и синтезированной еды приобрести такие вещи было очень трудно, практически нереально. И не потому, что натуральных материалов не осталось. С того времени, как человек вышел в глубокий космос, прошел уже не один век. За это время было обнаружено уже 24 планеты, атмосфера и окружающая среда которых были практически идентичны земным. А помимо этого еще семнадцать планет с близкими к их родной планете характеристиками. И все они населены. На девяти планетах обычные люди, на остальных очень близкие им гуманоиды. И развитие таких планет было разнообразным: от времен великой Римской империи до девятнадцатого столетия по времени Земли. Как это ни странно, но встретиться в космосе с более развитыми расами, чем жители третьей планеты от Солнца, так пока и не удалось. И может быть, это и к лучшему. При встрече двух равных всегда начинают выяснять, кто же все-таки «равнее».

Так что ресурсов было хоть отбавляй.

Вот только некоторые страны, добравшиеся, можно сказать, до дармовщинки, продолжили «доить» планеты, как в свое время Землю. А некоторые, а если точнее сказать Российская империя, наученная горьким опытом, когда от величественной сибирской тайги остались одни пенечки, пошли совершенно другим путем. Хочешь срубить дерево? Да ради бога, но сначала посади или оплати посадку десяти деревьев. Подожди несколько лет, пока они войдут в силу. Представь молодые деревья (если все же сам их сажал и выращивал) или сертификат и чек об оплате их посадки специальной комиссии, что примет их на учет, и только потом получишь разрешение на валку одного дерева, которое определит все та же комиссия. Учет леса уже давно стал на один уровень с учетом радиационных материалов, драгоценных и редкоземельных металлов. Каждое дерево имело свой электронный чип и было занесено в специальный реестр. А его место «проживания» отслеживалось со спутника.

Наплевал на это и все же срубил? Да ты вор, батенька, добро пожаловать в космос, но не космонавтом и первопроходцем неизвестных миров. А на астероиды или планеты, совсем не приспособленные для комфортного проживания, но зато очень богатые редкоземельными металлами и другими ценными полезными ископаемыми. А жизнь там совсем не сахар, и хорошо, если трое из пяти «оттрубит» весь срок и, очистившись перед законом, вернется домой.

Были, конечно, и браконьеры, куда от них деться, но при современных средствах слежения и сыска найти их не составляло ни малейшего труда. Снимки из космоса, позволяющие рассмотреть не только муравья в траве, но и энергетическую ауру человека, заменившую в современном мире отпечатки пальцев, позволяли найти «черных лесорубов», как их называли несколько веков назад, не просто быстро, а очень быстро. Даже непонятно, зачем браконьеры этим занимались, наверное, чтобы сытная и спокойная жизнь была более яркой. Как говорится: адреналиновые наркоманы.

Так что вещи из натуральных материалов были довольно редки, дороги, и позволить их себе мог не каждый гражданин, а тут целый антикварный уголок, более уместный музеем, чем исследовательской лабораторией.

Ну, и если уж зашла речь о Земле, то стоит отметить, что к настоящему времени в мире остались только две полярные силы. Это Российская империя и все остальные. Впрочем, так было всегда. Вот только полярность теперь сместилась к империи. Именно ей принадлежало больше двух третей открытых и освоенных планет. И подход имперцев к освоению вновь открытых планет кардинально отличался от методов других держав. То, что сейчас происходило в этой лаборатории, было одним из этапов освоения открытой недавно сорок второй планеты, на которой существовала разумная жизнь.

Висевший над входной створкой плоский фонарь мигнул красным, и, раскрываясь подобно створкам диафрагмы в старых фотоаппаратах, появился проход, впуская в лабораторию высокого, подтянутого мужчину в черной военной форме.

– Господин генерал, сколько же можно вас ждать? – Резко развернувшись от экрана, мужчина с рыжей копной волос бросился к входящему, широко разведя в стороны свои руки.

Увидев спешащего к нему ученого, военный тоже раскрыл руки для объятий, в которые вскоре и заключил своего давнишнего друга – профессора, академика, лауреата всевозможных премий, в том числе нобелевки, автора сотни открытий, кучи изобретений и прочее, и прочее, и прочее – Смирнова Виктора Андреевича. Друга, настолько давнишнего, что они уже скорее считали друг друга родственниками, чем просто друзьями. Потискав профа в своих крепких объятиях, генерал наконец взял его за плечи и, отстранив на расстояние вытянутых рук, улыбнувшись, внимательно оглядел.

– А ты не изменился, братишка, вот только пятен на твоём халате после нашей последней встречи стало больше. Ты вообще меняешь свою униформу?

– Да, на сало и картошку. Такие вроде у вас, у солдафонов, шутки приняты? – ответил ученый.

– Фи, милейший, мы, дворяне-офицеры – честь и совесть империи, – притворно поморщившись, начал генерал, но Смирнов его перебил:

– Знаю, знаю. Белая кость, голубая кровь и так далее. А вот по мне так вы все поручики Ржевские, то есть пьяницы, дебоширы и бабники...

– А также опора трона, – закончил военный, и друзья весело рассмеялись.

– Как же я рад тебя видеть, Володь, – еще раз обняв генерала, проговорил проф. – Пойдем, присядем, с делами попозже.

– Согласен, – поддержал его военный.

Друзья направились к уголку релаксации, как называл его Смирнов, где и устроились с комфортом в мягких креслах.

– Подожди секунду, – поднял руку генерал, когда увидел, что проф собирается завалить его кучей вопросов. Затем поднес к лицу левую руку и негромко проговорил в манжету форменного кителя. – Сережа, заноси.

Входная створка снова открылась, и в лабораторию вошел молодой капитан, неся в руках небольшой саквояж. Поставив его рядом с генералом, он молча замер в двух шагах от кресла, дожидаясь дальнейших распоряжений своего шефа.

– До утра свободен, но чтобы утром был как корнишон, – посмотрел на капитана его начальник.

– Господин генерал! – попытался возмутиться подчиненный.

– Иди, мы поняли друг друга, – улыбнулся генерал.

Щелкнув каблуками, капитан развернулся, пряча улыбку в аккуратных темных усиках, и уже через пару секунд друзья снова остались вдвоем.

– Новый ординарец? – кивнув на входную створку, спросил Смирнов.

– Угу, – промычал генерал, который в это самое время с головой зарылся в саквояж.

Вскоре из дорожной сумки на полированную поверхность столика стали водружаться различные баночки, кулечки и сверточчки.

– А где прежний? Как там его, Каменский-Бутурлин, кажется?

– Выгнал, к чертям, – разогнулся генерал и поставил на стол литровую бутылку с бело-красно-золотой этикеткой, наполненную прозрачной жидкостью, завершая, таким образом, хаотический натюрморт, образовавшийся на столешнице.

– Что так?

– Понимаешь, Вить, большое количество достойных и образованных предков еще не гарантия того, что их потомок будет им соответствовать. Его потолок – взвод космодесантников, даже на роту он не тянет. А здесь штабная работа, объем информации колоссальный, ну, не тянет он этот воз. А вот кости ломать у него получается на удивление здорово, причем не себе, а другим.

– А его многочисленные родственники? Наживешь врагов на ровном месте.

– Не надо меня пугать врагами. У меня их воз и маленькая тележка, – неожиданно разъярился генерал. Нет, он не кричал и не бил кулаком по столу, но слова он произносил так, словно вбивал гвозди в крышки гробов для своих недоброжелателей. – Я служу, прежде всего, империи. Каждый человек, а сейчас более актуально говорить каждый разумный, должен приносить государству пользу. Не будет академик Смирнов командовать космическим флотом, так же как генерал-полковник Романов Владимир Николаевич никогда не будет совать свой нос в генную инженерию и давать советы ученым, потому что ни хрена в этом не понимает. А тут устроили сынка в теплое местечко, как им думается, а тот сидит ровно и, как говорит мой старший сын, не жужжит. А надо не только жужжать, надо и лапками перебирать и не просто перебирать, а чтобы польза от этого была.

Генерал Романов замолчал, откинувшись на спинку кресла. Видимо, такой разговор был для него уже не в новинку.

– Я просто о тебе и детях беспокоюсь, – после небольшой паузы, проговорил проф.

– Да нормально все, Вить, – успокоившись, нормальным голосом сказал генерал. – И глава рода Каменских-Бутурлиных тоже все понял. Тимофеич – старый, преданный империи служака, поэтому так и сказал, что ты, Владимир Николаевич, сделал все правильно. А этот обалдуй, если не хочет работать головой, пусть работает руками, а там или грудь в крестах, или голова в кустах. И парень сам, кажется, это понял. Во всяком случае, как мне говорили, авторитет у десантников завоевал с первых дней. Особенно после случая, когда они с нашими заклятыми друзьями схлестнулись. Представляешь, взяли на abordаж корабль и морду всем набили. Кстати, грудь его первым крестом уже обзавелась.

– Ну и ладно, – успокоился ученый. А затем, потирая ладони, посмотрел на заставленный стол. – Ну-ка, ну-ка, что у нас здесь?

Но по уже протянутой к бутылке руке быстро хлопнула ладонь генерала.

– Так, спокойнее. Презентацию проводит даритель, – и, перебирая упаковки, начал декламировать: – Варенье: малиновое, из черной смородины, из крыжовника. Буженина, домашняя колбаса, сало соленое, сало копченое, рулька копчено-вареная. Маринады: чеснок, огурчики, помидорчики, опята. Капустка квашеная и заключительным аккордом водка «Столичная» экспортная, дата производства 1973 год. И все это НА-ТУ-РА-ЛЬ-НОЕ.

Ученый, замерший и только глотавший слюни во время презентации генерала, наконец

поднял голову и произнес:

– Натуральное?

– Давай сначала по маленькой, а потом я расскажу.

Водка, судя по всему, находилась в небольшом криоконтейнере, потому что только сейчас проф заметил, как стекло покрывается инеем. Решительно скрутив пробку, генерал стал наливать тягучую, похожую по вязкости на кисель, жидкость в две серебряные рюмки, которые были извлечены из недр саквояжа, как и две, тоже серебряные, вилки. Наколов ими два огурчика, одну он протянул Смирнову, затем вручил ему рюмку:

– За встречу!

Емкости соприкоснулись с легким звоном, и, закинув головы, друзья синхронно отправили их содержимое себе в рот, после чего застыли, прислушиваясь к тому, как обжигающая холодная жидкость проскальзывает по пищеводу, оставляя за собой теплый след, а потом взрывается в желудке, распространяя от эпицентра горячие волны. После этого они все так же синхронно захрумкали маленькими огурчиками.

– Володь, это что-то с чем-то, – произнес ученый.

– А я тебе что говорю, – улыбнулся генерал. – А теперь слушай сказку, которая на самом деле была. Как тебе известно, мой старший, Виктор свет Владимирович, не пошел по пути славных предков и не примерил на себя военный китель. Вместо этого занялся бизнесом и, надо сказать, довольно успешно. Это еще раз говорит о том, что каждый должен быть на своем месте. Но речь не об этом. Пять лет назад он зарылся с головой в архивы, то была очередная попытка раскопать наши корни.

– Ха, сейчас опять начнешь утверждать, что вы потомки императорского рода, который правил в России триста лет, – перебил его улыбающийся академик.

– Вить, или я рассказываю, или сразу переходим к тому делу, из-за которого я посетил твою обитель, – нахмурился генерал.

– Молчу... – Ученый быстро изобразил нехитрую пантомиму, как он навешивает на свои губы замочек, запирает его ключом, который потом выкидывает себе за спину.

Романов, улыбнувшись, покачал головой и продолжил:

– Так вот. Твой тезка и по совместительству крестник не зря глотал пыль в архивах, как говорили раньше, и все-таки докопался до корней. Романовы из императорского рода нам, кстати, никаким боком. Но это не значит, что наш род новодел, как говорят дворяне из старых семей. Пусть он был не такой богатый, как остальные, но истоки его восходят к шестнадцатому веку, когда поволжский казак Роман Заноза, один из сподвижников Ермака Тимофеича, за присоединение Сибири был пожалован в потомственные дворяне. К дворянской грамоте прилагались земли в Симбирской губернии на берегу Волги.

После череды тяжб и судов данные земли были возвращены нашему роду, о чем имеется указ императора. Витек время терять напрасно не стал, а с небывалым энтузиазмом начал воссоздавать усадьбу. Хотел сначала в первоизданном виде построить, но слишком уж она была неказистая, род-то небогатый был. Но зато теперь на берегу Волги стоит самое настоящее семейное гнездо князей Романовых в старославянском стиле. Терем, короче, отгрохал этот строитель, я тебе потом голоснимки покажу. А когда рыли котлован, наткнулись на винный погреб, который был практически пуст, за исключением двух бочек коньяка и двух десятков коробок вот этого нектара. Кстати, коньяк сейчас мой коммерсант продает просто за баснословные деньги, и клиентов это не останавливает. Но мне по душе все же беленькая, да и ты мои вкусы разделяешь, так что «Столичную» мы оставили для

личного пользования.

– Молодец крестник, – восхищенно сказал Смирнов.

– Не то слово, – поддержал его генерал. – Кстати, брат, давай, когда закончим все дела с новой планетой, уйдем наконец в отставку и поедem на землю предков. На Земле сейчас экология, как от сотворения мира. Производств никаких, воздух такой, что по утрам его на хлеб намазывать можно. Будем по утрам на рыбалочку ходить, в лес по грибы и ягоды. Эх!

– От тебя ли я это слышу, генерал? – приподнял в удивлении брови ученый.

– Устал я, дружище, – вздохнув, произнес Романов. – Да и смену подготовил. Кстати!

Владимир вновь оживился.

– Младшие через два месяца выпускаются из стен Имперской военной академии.

– Четверняшки? Уже?

– Четверняшки, – кивнул генерал. – Они, кстати, тоже крестники одного очень известного и рассеянного ученого. Не забыл?

Генерал полез во внутренний карман, из которого достал небольшую коробочку. Освободив на столешнице немного места, он аккуратно положил ее на полированную поверхность, а затем нажал на небольшую кнопку. Над столиком возник голосник, на котором были запечатлены четыре очень похожих друг на друга человека. Два парня и две девушки. Высокие, стройные, в черных лейтенантских мундирах, похожие друг на друга, словно оловянные солдатики из одной отливки, они с легкими улыбками смотрели перед собой.

– Уже мундиры пошили, стервецы, – с гордостью проговорил генерал.

– Так, это Ратибор, это Святослав, – начал вглядываться в снимок проф. – А эти малявки зачем так постриглись? Если бы не выпирающие в нужных местах мундиры, то и не разобрал бы, где пацаны, а где девчонки.

– Мода, етить колотить, – беззлобно выругался Романов. – Военный стиль сейчас очень популярен, как мне объяснили Настена с Сашкой, но они и так военные, поэтому папенька может не зыркать на них такими глазами.

Друзья снова рассмеялись, живо представив, как девчата окучивают своего родителя.

– Видела бы их Анна, – тихо, с грустью в голосе произнес генерал, вспоминая свою супругу, которая, несмотря на все достижения современной науки, умерла при родах, дав жизнь этим красавцам и красавицам.

Мотнув головой, Владимир отогнал от себя внезапно нахлынувшую грусть и, снова улыбнувшись, с легкой укоризной посмотрел на своего друга.

– А ты мне так и не дал почувствовать, как это быть крестным отцом.

– Володь, у меня есть семья, – показывая на снимок рукой, сказал ученый. – Они, вы с Витькой. А супругу мою ты знаешь – это наука. Вот только дети у нас с ней совсем другие.

– Ладно, забыли, – махнул рукой генерал, он и так это все знал. – Подарок-то приготовил четверняшкам или забыл?

– Обижаешь, брат, – по-настоящему обиделся Виктор. – Как только они поступили в академию, сразу сделал заказ.

– Покажи, – подался вперед Романов, глаза которого загорелись словно у пацана.

– Не-а, – ухмыльнулся проф. – Это будет моя мстя тебе за недоверие.

– Вить, не будь гадом, – совсем по-детски проканючил генерал, в темных волосах которого уже давно поселилась благородная седина.

Виктор задрал голову и заразительно рассмеялся.

– Сейчас, вымогатель.

Поднявшись из кресла, он прошагал к одной из стен. Сдвинув небольшой квадрат пластика, он набрал на открывшейся сенсорной панели несколько цифр, и с легким шипением часть облицовки отъехала в сторону, демонстрируя внутренности небольшого сейфа. Проф достал из него метровый деревянный ящик, искусно изукрашенный резьбой, и поднес его к генералу. Положив ящик на колени, Владимир аккуратно открыл крышку.

Внутри, на алом бархате в небольших выемках лежали четыре великолепных клинка.

– Парадные мечи имперских офицеров. Шайлотский стиль, лезвие выполнено из монокристалла, практически не разруσιμο, не нуждается в заточке, не подвержено коррозии. Витая гарда с гербом империи, – словно проводя экскурсию в музей, заговорил Романов, затем аккуратно положил ящик на стол, подвинув угощение, встал и заключил в объятия своего друга. – Витя, брат...

– Да брось, – отмахнулся тоже расчувствовавшийся ученый. – Я уже говорил – это и мои дети. Давай выпьем за них.

– А вот это непременно. – Генерал быстро наполнил стопки, и, отсалютовав друг другу серебряными приборами, они опрокинули их содержимое. А потом потянулись к тонким ломтикам ароматной буженины.

Возвратив ящик с подарками в сейф, два друга снова уселись на свои места и еще около часа предавались воспоминаниям, строили планы и просто вели неспешную беседу, подогревая ее небольшими дозами ледяной водки.

– Делу время, потехе час, дружище, – наконец произнес генерал. – Ты же знаешь, что я, кроме того, что являюсь твоим другом, еще и официальное лицо.

– Да, давай к делам, Володь. Сейчас я помощника позову.

– У тебя есть помощник? – удивился генерал. – С тобой же никто не уживается. Как ты говоришь? Они все тупицы и недоумки, так вроде?

– Она гений, – воскликнул Смирнов. – Ну, может, не гений, но хороший ученый и человек.

– ОНА? – Более сильного удивления выдать было нельзя, но у Романова это получилось. – Это женщина?

– Ну да, – пожал плечами Виктор.

– А может, у вас... – Владимир повертел перед собой кистью.

– Нет, мы просто коллеги, – быстро отрезал проф. Но по тому, как быстро он это сказал, Романов понял, что не просто коллеги или пока еще коллеги, но все возможно. И искренне порадовался за друга, ведь за шесть десятков лет это был первый случай, когда неутомного ученого заинтересовала женщина.

– Мария Владимировна, зайдите в лабораторию, – между тем вызвал своего помощника Смирнов.

Буквально через пару минут входные створки впустили внутрь невысокую женщину, лет сорока. С небольшим аккуратным носиком, который был усыпан веснушками, зелеными глазами и волосами цвета спелой пшеницы. Даже генералу хотелось прижать эту женщину к себе, настолько она была милой и обворожительной. Не красавица, как мог бы кто-то сказать, но генерал никогда не понимал этого. Что значит красавица? Кто утверждал эти эталоны красоты? Не может одна женщина нравиться абсолютно всем. Кто-то любит невысоких, миниатюрных женщин. Кто-то, наоборот, в восторге от больших и могучих представительниц слабого пола, чтобы было много в районе груди и не меньше пониже

спины. У каждого свои эталоны красоты, вот и весь сказ.

– Мария Владимировна, – торжественно начал Смирнов. – Разрешите представить вам генерал-полковника князя Романова Владимира Николаевича. Кавалера ордена Чести, полного Георгиевского кавалера, а также кавалера еще полусотни орденов, а может и больше, никогда их не считал, но его парадный мундир больше похож на иконостас, чем на форменную одежду.

– Вить, ты чего? – опешил от такого представления генерал.

– Не перебивай, – отмахнулся Смирнов. – Счастливый отец пятерых детей, ну и, наконец, личный представитель его императорского величества и куратор проекта «Аркадия». Вот теперь вроде все.

– Ну и зачем все это нужно было? – спросил его Владимир.

– Он просто хвастается, господин генерал, или ваша светлость? – с легкой улыбкой, приятным голосом спросила Мария.

– Просто Владимир Николаевич, когда на службе, и Володя – в неофициальной обстановке. – Генерал подошел к женщине и поцеловал протянутую для приветствия руку, от чего лицо Марии от смущения залилось краской, что, впрочем, не помешало ей выполнить довольно умелый книксен.

– Да хвастаю, а еще он мой кровный брат. Вот, – гордо вскинув голову, закончил ученый.

– Это как? – спросила опешившая помощница.

– А, – махнул рукой генерал, – книжек в детстве начитались про былинных героев, вот и решили смешать свою кровь. Так братались в древности воины, сражавшиеся плечом к плечу, ну или еще по каким причинам.

– Вот даже как? – совсем по-другому посмотрела на своего патрона женщина, от чего теперь Виктор покрылся хорошим румянцем.

«И все-таки у них что-то есть. Витька, не упusti жар-птицу», – подумал про себя генерал, но вслух сказал:

– К делу, друзья, вечером посидим и поговорим обо всем, так сказать, в семейном кругу, а сейчас работа, – серьезно сказал Романов.

Уловив переход в настроении своего друга, проф сделал приглашающий жест и проследовал к кубу.

– Господин генерал, разрешите представить вам «Объект 001», проект «Аркадия», – начал Смирнов, раздвигая телескопическую указку. – Вместилище последних генных разработок отечественной науки. Силен, быстр, умен, феноменальная память, необычайно живуч. Мария Владимировна, продолжите?

– С удовольствием, – ответила женщина. – Начнем со строения организма. Скелет «Объекта» кремнийорганический, необычайно прочный. Потрясающая регенерация, ночное зрение, что обусловлено строением зрачков. Обоняние и слух как у диких зверей. Острые, крепкие ногти, которые больше походят на когти, которые, впрочем, не мешают ему в повседневной жизни. Продолжительность жизни, по самым скромным подсчетам, не меньше пяти-семи веков, без прохождения регенерирующих процедур. По внешнему виду максимально приближен к аборигенам Аркадии. В настоящий момент выглядит как двадцатилетний парень.

– А на самом деле ему сколько? – спросил генерал.

– Шесть лет, – ответил Смирнов, перехватывая эстафету у Марии. – Год выращивания и пять лет обучения. К настоящему времени полностью готов к исполнению своей роли.

Посредством нейрообучения в «Объект» закачена куча матриц: боевая, включающая в себя все виды боевых искусств, известные разумным к настоящему моменту. Как без оружия, так и с оружием, естественно холодным, что обусловлено развитием мира, где ему предстоит действовать. Помимо этого ему известна история войн, а также история государства Российского. Затем право: от Правды Ярослава Мудрого и законов Новгородской республики до современного законодательства империи. Судебное право. Загружены лингвистические матрицы, позволяющие ускоренно изучать языки. Развиты лидерские качества. И еще много полезного и нужного, подробный отчет отражен в документации к «Объекту». Но самое главное впереди. Мария?

– Владимир Николаевич, – продолжила помощница профа, – как вы, наверное, уже знаете, у многих аборигенов на Аркадии есть прирученные животные, в основном предназначенные для ведения боевых действий в одном строю с разумными. У каждого племени они разные, но объединяет их одно – невероятная преданность животных своим хозяевам. Мы пошли дальше.

Сместившись к голографическому экрану, женщина несколькими изящными движениями вызвала на нем картинку крупного животного, в котором отдаленно угадывался земной ягуар. Если быть точнее, то ягуар-меланист^[4], отличающийся от своих собратьев черным цветом шкуры, на которой были едва видны проступающие пятна.

– Это сайшат? – изумленно вскинул брови генерал.

– Да. Самый свирепый и опасный хищник Аркадии, только наш будет крупнее раза в полтора. Ни одно племя не имеет прирученных сайшатов, поэтому «Объект» с таким спутником будет воспринят как посланец богов, как минимум.

– И как же вам удалось приручить его?

– А вот тут самое интересное, – снова включился проф. – Мы не приручали сайшата. Это симбионт. «Объект» и его спутник не просто человек с прирученной зверушкой. Они чувствуют друг друга. Между ними существует ментальная связь. Все испытания, а также анализ их совместных действий говорят о том, что они могут общаться. Причем ощущают не только ментальные послы друг друга, но и эмоции. Убойная парочка, я вам скажу, господин генерал, позже мы посмотрим голофильм их тренировок, они действуют как единый организм. После первой тренировки я был под очень большим впечатлением, потом привык.

– А где сайшат?

– В соседней лаборатории, с ним проводятся заключительные процедуры.

– Уже закончили, – уточнила Мария.

– Уже закончили, – кивнул головой проф.

– Так что, «Объект» готов? – спросил Романов.

– Конечно, готов, – улыбнулся Виктор.

– А тогда чего тянуть? У меня есть все полномочия начинать следующий этап, – неожиданно заволновался военный. – Хотя подожди. Матрица верности империи внедрена?

– Несомненно, «Объект» воспринимает себя гражданином Российской империи, верен ей душой и телом и готов, не жалея своих сил, выполнить возложенную на него миссию.

– Тогда последнее, – немного успокоился генерал. – Оружие.

– Необходимый минимум, к которому он был особенно предрасположен... – Вместо сайшата на голоэкрane появился стоящий парень с надетой на него экипировкой. – Итак, броня: композитный материал, по своему внешнему виду не отличимый от кожаного доспеха: кираса, наручи с секретом – два замаскированных кинжала, короткая юбка из

полос, легкие прочные сапоги, наплечники, ну и так далее. Прочность материала такова, что не каждый сплав может с ним соперничать. Ах да, еще шлем, похожий на обычную мисюрку, только с личиной.

– Шутники, – улыбнулся Романов, увидев на экране увеличенный шлем и личину, выполненную в виде оскаленной морды сайшата. – Дальше.

– Есть дальше! – шутливо козырнул ученый. – Оружие. Начнем с самого малого. На перевязи расположены десять метательных ножей, каждому из которых отведено свое гнездо.

– Это не самые малые, – улыбнулась Мария.

– Точно, – поддержал ее Смирнов. – «Объект» в отношении оружия оказался полным параноиком. Видишь на правой стороне лица височную косицу? В нее вплетена граненая кованая игла, «неожиданный аргумент», как он однажды выразился.

– Полностью его поддерживаю, – согласился с «Объектом» генерал. – Оружия много не бывает.

– Еще один, – вздохнул проф, но затем продолжил: – Так, дальше. Два засапожника, два кинжала за спиной на поясе, два меча, подбирались под руки «Объекта». Так получилось, что он у нас оказался обоеруким.

– Ага, случайно, – улыбнулся Романов.

– Ну, вроде того, – поддержал его Виктор. – Мечам он даже название дал. В правой руке очень похожий на индийский тальвар – Поющий. Морской абордажный палаш в левой – Защитник. Ну, и последнее: боевой посох с встроенным лезвием, при выкидывания которого посох превращается в совну или нагинату, кому как удобнее. Блочный композитный лук, который, впрочем, мало будет отличаться от местных, мастера постарались, убрав с глаз все лишние детали. Колчан с пятью десятками стрел с разными наконечниками. Ну, и совсем все – это походный мешок с встроенным подпространством, другим словом внутри он больше, чем снаружи, и в народе получил название «Мечта пилигрима». Вроде ничего не забыл, если только совсем мелочь, вроде сушеного мяса и нескольких пакетиков круп.

– Друзья, вы просто молодцы, – сказал Романов. – И дальше затягивать с началом следующего этапа не имеет смысла. Как отправляем, Вить?

– Атмосферным лифтом, помещение напротив этой лаборатории. Мария, распорядись, чтобы парочку доставили на место.

– Хорошо, – кивнула женщина.

– Пойдем пока фильм посмотрим, – обняв за плечи своего друга, сказал генерал. – Какая готовность?

– Два часа, – ответила помощница профа.

– Отлично.

Спустя два часа через прозрачное стекло Романов смотрел на стоящую в небольшом кругу парочку. Он уже посмотрел несколько небольших фильмов с их участием и был, ну, очень впечатлен.

Парень, ростом под два метра, крепкого, но не гипертрофированного телосложения. Черные, прямые волосы, чуть ниже плеч, уложенные в замысловатую прическу, напоминающую собой широкий хлебный колос. Такие или примерно такие прически были в ходу у аборигенов Аркадии – планеты, на которую парень собирался спуститься вместе со своим Спутником. Именно так, с большой буквы, так как профессор ему объяснил, что если сам парень еще худо-бедно сможет существовать без сайшата (ну, тосковать будет, скучать

сильно), то вот кошка без своего старшего товарища выжить, с вероятностью в девяносто процентов, не сможет. Но вернемся к парню: вдоль правой щеки свисала височная косица. Лицо правильной формы, на котором ярко выделялись глаза. Сейчас, в ярко освещенном помещении, они походили на кошачьи, с оранжевой радужкой. При падении освещения зрачок расширялся, а когда «Объект» впадал в боевой транс, становились абсолютно черными. Все, без малейшего намека на белок. Небольшие, немного заостренные уши, прижатые к голове, прямой нос с еле заметной горбинкой. Когда парень улыбался, показывались кончики белоснежных клыков, которые его совершенно не портили. Кожа пепельно-серого цвета.

Парень стоял в расслабленной позе, держа в правой руке посох, на котором висел шлем с личиной. Мечи были закреплены за спиной, но, как пояснил ему Смирнов, «Объект» носил их в таком положении только при маршах, чтоб не били по ногам, и в лесистой местности, по той же самой причине, чтобы не путались при скрытом перемещении. Вторая рука покоилась на загривке сайшата, удобно усевшегося с левой стороны своего «Старшего». Как сказал «Объект», именно так называла его эта большая кошка, достигавшая в холке ему до пояса.

Смотрел на него генерал и не мог понять, что знакомого он в нем видит?

– Что, не можешь понять, кого он тебе напоминает? – словно прочитав его мысли, сказал проф, все это время украдкой наблюдая за своим другом.

– Угу.

– Тебя он напоминает, – огорошил его ученый.

– То есть?

– Просто в нем есть и твои гены. Видишь ли, я в своей жизни не видел никого более преданного империи, чем ты. Того, кто с младых лет превыше всего ставит Честь и Правду. Таковые же и мои крестники. Вот немного и подкорректировал его гены, так что он в какой-то степени твой родственник. Ну, и мой, – немного смущенно добавил Виктор, а, когда Романов открыл рот, чтобы что-то сказать, продолжил: – А что, он должен быть не только сильным, но и умным. Я не подхожу для этого?

Генерал махнул рукой, не собираясь спорить, а тем более лезть туда, где ни ухом, как говорится, ни рылом.

– Слушай, Вить, я все никак не отойду от просмотра. Как он так двигался, его же заметить не могли, только электроника и справлялась?

– Я думаю, когда же ты спросишь меня об этом? – улыбнулся ученый. – Это распространено на Аркадии, не повсеместно, но все же. Кстати, и на Руси когда-то тоже было такое. И сейчас встречается, вспомни различных экстрасенсов, настоящих – не шарлатанов. Наши предки называли это ведовство.

– Он что колдун, маг? – не мог поверить военный.

– Нет, Влад, он – ведун. Ну, там отвод глаз, необычайное предчувствие, умение разбираться в людях, способность отличить ложь от правды и так далее. Ведун, брат.

– Да уж, главное, чтобы все, что ты накрутил в нем, не пришло в противоречие друг с другом.

– Фирма гарантирует, – улыбнулся проф.

– Ну-ну.

– Готовность тридцать секунд, – неожиданно раздался голос, и тут же прямо на стекле замелькали цифры в обратном отсчете.

Когда в стройном ряду цифр обозначились одни нули, помещение за стеклом подернулось дымкой и уже через мгновение оказалось пустым. Еще через мгновение механический голос оповестил:

– Неустановленное вмешательство. «Объект 001» и его Спутник утеряны.

– То есть как утеряны? – лицо Романова превратилось в каменную маску. – Мне императору докладывать через час.

– Опять, – вздохнул ученый. – Давно этого не было. Не волнуйся, Володь, есть дубль, через пятнадцать минут все будет готово.

– Что значит опять? – не успокаивался генерал.

– Да уймись ты, – немного резко осадил его Смирнов. – Помнишь, когда мы только начинали данную практику по внедрению в открытые нами миры подготовленных «объектов», такое тоже случалось, всего несколько раз, но все же. Мы разобрались с этим.

– И?

– Во время внедрения происходит пространственно-временной прокол.

– И? – повторил генерал.

– Что и? Я не знаю, куда исчезали объекты. Может, сейчас во вселенной, нашей или параллельной, если такая существует, намного больше лояльных империи миров, чем мы думаем на самом деле.

– Они не погибли?

– Точно нет.

– Откуда знаешь?

– Предчувствую.

– Ведун, – все же улыбнулся Романов.

– Ага.

Пока друзья пили ароматный чай, который им принесли подчиненные Смирнова, «Объект 002» со Спутником были доставлены в помещение, которое занимал совсем недавно его предшественник с номером 001. На этот раз атмосферный лифт доставил их по назначению.

– Забыл спросить, – устало проговорил Романов, – а имя у объекта есть?

– Да, – кивнул проф, – Атей, что на скифском обозначает Тайный.

– В точку, что ни говори, – кивнул генерал. – А у Спутника?

– Сай, так назвал своего симбионта сам парень.

– Какой?

– Оба, они же клоны.

– И что это значит?

– На одном языке это звучит как «находящийся подле или рядом».

– Хм, вернее и не скажешь. Ладно, пойду докладывать императору. Вечером у меня. Не забудь Марию.

– Добро, – устало, но с чувством хорошо выполненной работы произнес ученый.

В освоении Аркадии начался новый этап.

Иные сферы

По огромному светлому залу, с величественными колоннами, со стенами, завешанными гобеленами, изображающими эпические битвы, с развешанным повсюду оружием и доспехами, закинув руки за спину и грозно сдвинув брови, ходил воинственного вида

мужчина. На нем был золоченый доспех, кираса которого была украшена чеканкой в виде вставших на дыбы двух могучих жеребцов. Кольчужная юбка колыхалась в такт его широких шагов, а эхо от звука подкованных сапог металось от одной стены невероятно большого зала к другой.

На скулах сурового лица играли желваки. Глаза, со сверкавшими в них искорками безумной ярости, были сощурены и представляли собой две узкие щелочки, отчего узнать их цвет не представлялось никакой возможности. Концы длинных усов были заложены за уши, но когда, дойдя до определенного им самим места, он резко разворачивался, чтобы начать путь в обратном направлении, они вылетали, и мужчина был вынужден их снова водружать на место.

За метанием этого воина, развалившись на большом резном каменном кресле, больше походившем на трон, через стенки ажурного бокала, наполненного рубиновой жидкостью, наблюдала молодая женщина с приятным открытым лицом и большими бирюзовыми глазами. В легких плетеных сандалиях, в полупрозрачной тунике, такая хрупкая и нежная, на этом троне она напоминала белую розу, брошенную на кучу доспехов.

– Дорогой, – прозвучал мелодичный голосок, заполняя этот зал хрустальным звуком. – А как на Тивалене называется тот хищник с большими клыками?

– Что? – неожиданно остановился мужчина, отвлеченный от своих мыслей таким неуместным, по его мнению, вопросом. – Лирг, что ли?

– Точно, лирг, – обрадовалась женщина, нет, все же девушка, уж слишком она была юна, чиста и прекрасна. – Что ты как лирг в клетке ходишь? Успокойся, выпей вина.

– Успокойся? Выпей? – в руках воина материализовался длинный меч, и он его резко опустил на низкий столик, на котором стояли вазы с фруктами и прозрачный кувшин с вином. Миниатюрный столик разнесло в щепки, осколки от посуды брызнули в разные стороны, преследуемые ягодами винограда, дольками апельсина и кусочками других фруктов, что лежали в вазах.

Но, видимо, девушка была уже привычна к таким вспышкам ярости собеседника, поэтому только смешно поморщила носик, взмахнула рукой, и на месте кучки порубленного дерева, стекла и остатков легкой трапезы вновь красовался уставленный различными яствами столик.

Мужчина снова поднял меч, но потом, словно опомнившись, разжал руку, и клинок в легкой вспышке исчез.

– Прости, Хатиар, – опустил он голову.

– Ничего, – махнула рукой его собеседница. – Я уже привыкла. Ты все-таки могучий Парон, бог воинов и ратей.

Она встала на троне, смешно выпятив небольшую грудь, подняла вверх бокал, словно это был не сосуд, а закаленный в битвах клинок и продекламировала:

– Лучше умереть с честью, чем жить без нее, – потом взмахнула воображаемым мечом, посылая в атаку такие же воображаемые рати, отчего рубиновые капли выплеснулись, заляпав с ног до головы Парона.

– Ой, – тихонько пискнула она, вжимая голову в плечи. – Я нечаянно.

Но могучий Парон и не собирался возмущаться, под сводами его дворца, а это был именно его дворец, раздался громоподобный смех. Одним движением он оказался у трона, сгреб в охапку девчушку и, все так же смеясь, закружил ее по залу.

– Я обожаю тебя, Хатиар.

– Пусти, пусти громила, – притворно возмущалась девушка, колотя маленькими кулачками по кирасе воина, в свою очередь, наполняя зал хрустальным смехом.

Наконец, достаточно покружив девушку по залу, воин опустил ее на трон.

– Спасибо, дорогая, что снова обуздала мою ярость, – проговорил мужчина, но, видимо, вспомнив то, о чем думал последние часы, снова стал закипать. Увидев это, девушка сказала:

– А ты расскажи, что тебя так взбесило? Я, конечно, догадываюсь, но делать предположения – это одно, а услышать все из первых уст – совсем другое. Это связано с твоим детищем, с Тиваленой?

– Да. Хатиар, ты же знаешь, что Тивалену я выиграл в честном поединке, отправив его прежнего владельца на многие годы перерождения. Я даже не сразу ей занялся, отлеживаясь после битвы. Но когда все же решил взглянуть, что мне досталось, то влюбился в нее с первого взгляда. Много рас, прекрасный климат и, что самое главное для меня, – воины. Много воинов, а это моя паства. Государств на Тивалене была тьма, и все друг с другом воевали. Бывало такое, что одно и то же государство за десяток лет было то королевством, то герцогством, то халифатом каким-нибудь. Все зависело от того, кто умудрился влезть на трон.

Но я ведь не кровожадный бог, которому нужны бессмысленные жертвы. А во время этих войн главными потерпевшими были не короли и правители всех мастей и их дружины, а обычные обыватели, по землям которых маршировали армии. Когда я окинул всю Тивалену одним взглядом, то ужаснулся – она вымирала, самым натуральным образом. В бессмысленной резне истреблялось больше населения, чем их женщины успевали рожать. Да что я тебе рассказываю, ты же сама это все видела, поэтому я и предложил тебе, чтобы и ты явилась этому миру. Все-таки ты богиня любви, красоты и нежности, а не абы кто. А сколько у тебя паствы появилось за совсем короткий срок, и говорить не приходится. Миры, как женщины, их предназначение дарить жизнь, а не отбирать ее. Но о том, что творилось тогда на Тивалене, и вспоминать больно. И мне тогда удалось найти выход. Ты же знаешь про людей, родиной которых является Земля?

– Конечно, они уже давно вышли в космос, пусть и не первые, но все равно молодцы.

– Согласен с тобой. Пусть они нам, конечно, и подкинули задачу о том, как сделать так, чтобы их пути с теми, кто появился в космосе пораньше, пока не пересекались, но это ничего. Справляемся же.

– Кстати, а почему мы так делаем? Я не совсем понимаю.

– Понимаешь, родная, этому есть несколько причин. Постараюсь разложить для тебя все по полочкам. В принципе, две эти цивилизации, я имею в виду материнские планеты, с которых началось освоение космоса, очень похожи. На Земле были две сильные державы, Российская империя и вторая, расположенная на другом континенте, которые во всем являлись непримиримыми соперниками.

– Почему были?

– Потому что от второй практически ничего не осталось. Не перебивай, пожалуйста.

– Хорошо.

– Так вот эти две державы, как я и сказал, во всем были соперниками. В торговле, науке, в военном отношении, во взглядах на мировой порядок, в конце концов. Только в отличие от Российской империи, которая общалась с остальными, как говорится, с открытым забралом, их заокеанские «друзья» вели себя с точностью до наоборот. Подкупы, свержение правительств, устранение неудобных – это их обычный стиль. Выдавать черное за белое, ложь

за правду, тем самым добиваясь для себя выгодных условий – хорошая политика. От нее в восторге был только Лакриан, радовался словно дитя.

– Не люблю его, – поморщилась Хатиар.

– Да ему и не нужна наша любовь, родная. Кстати, в одной из земных мифологий он назывался Локи – бог хитрости и обмана. Но даже он возмутился, когда они дошли до того, что выбрали себе нового бога.

– Так бог же един, да и не бог он вовсе, хотя людишкам с их умом этого не объяснить, – изумилась девушка. – Мы всего лишь отдельные воплощения его сущности, характера, натуры. Кому они решили поклоняться?

– Ты не поверишь, Хатиар, – прищурился Парон. – ДЕНЬГАМ!

Девушка широко раскрыла глаза, пытаясь воспринять то, что сейчас услышала.

– Не богу торговли и благосостояния? – в надежде уточнила она.

– Нет, дорогая. Просто ДЕНЬГАМ.

– Но почему я этого не знала?

– А когда ты чем-то глобальным интересовалась? – пожал плечами воин. – Тебе всегда были ближе взаимоотношения между отдельными личностями, а не государствами и мирами.

– Ну да, – согласилась с ним девушка. – А дальше? Мне становится все интереснее и интереснее.

– А дальше были посланы Наказующие, чтобы те, путем опосредованных воздействий, наставили людишек на путь истинный. Но они то ли погорячились, то ли не рассчитали своих сил, но в конечном итоге случилось так, что материк, где располагалось государство тех, кто возвел деньги на уровень богов, был практически стерт с лица планеты.

– Но мы же не можем напрямую так действовать! – ахнула богиня.

– А кто сказал, что напрямую? – ответил Парон. – Там спящий вулкан рванул, вдребезги разнесся весь материк. К этому времени они уже успели колонизировать одну из планет, и только это дало им шанс совсем не исчезнуть как нации. Но вот империи – их соперникам – это дало огромную фору. Мне, вообще, нравится это государство. Особенно русские – костяк нации, хотя там уже так все перемешалось, что и не разберешься. Одни верят в Христа, другие – в Аллаха, третьи буддисты. Но что самое главное – это не мешает им мирно сосуществовать между собой и давать отпор тем, кто пытается вкаты на их Родину, которую они ласково называют Россия-матушка.

– Хм, интересные персонажи, – еще более заинтересованно пробормотала девушка, которой весь этот рассказ представлялся какой-то грандиозной пьесой или романом. Здесь были и злодеи (заокеанское государство), и благородные рыцари (жители Российской империи), и наверняка будут любовь и ненависть. – И чем же тебе так приглянулись эти русские?

– Только у них могут быть такие имена, как Чеслав, что значит славящий честь, Боеслав – славный в бою, Бронислав – славный оружием, и так далее. Кстати, женщины от мужчин далеко не ушли. Как тебе Владислава – славная предводительница или Владимира – владеющая миром, то есть умеющая управлять?

– Они что все воины?

– Почти.

– Что значит почти?

– Понимаешь, это государство воевало практически всю историю своего существования,

причем никогда не нападало само, а только защищалось, а то, что в результате такой защиты они приходили в столицы нападавших подписывать мирные договоры или акты о капитуляции, так сами виноваты – вас никто не звал. Знаешь, какое у них есть высказывание? «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет! На том стояла и стоять будет Земля Русская!» Как тебе? А поговорки: «На миру и смерть красна», «Чем жить да век плакать, лучше спеть да умереть», «Бояться смерти – на свете не жить».

– Что-то мрачные они какие-то, эти русские.

– Хатиар, да я не для того тебе эти поговорки привел, чтобы ты решила, что они только о смерти и думают. У них их великое множество и про любовь, и про дружбу, и про работу и так далее. Ты меня спросила, что значит почти все войны, так я тебе отвечаю, что когда у их дома стоит враг, поднимаются все – от мала до велика, как они говорят. А эти поговорки про смерть я привел лишь для того, чтобы ты поняла, как они легко относятся к смерти. И наша Марикка^[5] для них не вселенское зло, а просто богиня, которая ведает судьбами. Но наш разговор ушел в сторону. Так вот, оставшись практически единственной силой на планете и в ближайшем космосе, Российская империя не опустилась до принципа: я хозяин – вы рабы. Все также предельно открыто и честно она вела свою внешнюю политику, а когда создала свою стратегию экспансии во вновь обнаруженные миры, я и многие другие боги были просто восхищены ими.

– И в чем же суть этой стратегии?

– Представь себе такую ситуацию. Поисковые команды обнаруживают новый обитаемый мир, о чем сообщают по команде. Тут же создается комиссия во главе с ближайшим соратником императора по сбору всевозможных данных по вновь открытому миру: от состояния окружающей среды, химического состава атмосферы до разумных, населяющих планету, их расовый состав, степень развития и так далее. Потом в течение довольно длительного времени вырабатывается сама стратегия экспансии. В конечном итоге все этапы и пути освоения нового мира докладываются на императорском совете. Проект утверждается, назначается его куратор, планируются сроки выполнения и так далее.

А потом начинается. В зависимости от развития мира в секретных лабораториях готовятся единичные экземпляры или группы разумных, которые внедряются на планету, где они, благодаря заложенным в них различным данным и способностям, тем или иным способом подталкивают миры к добровольному вливанию в империю. Результат во всех мирах практически одинаковый: внедренец или внедренцы становятся великими вождями (императорами, царями, президентами, королями, Верховным Советом и так далее), и планета тихо и мирно вливается в большую семью, которая называется Российская империя, со всеми правами и обязанностями полноценных граждан.

– Но ведь это очень долго? – удивилась рассказу девушка.

– Да, – согласился с ней Парон. – Но хочешь статистику?

– Угу, – кивнула Хатиар.

– Из сорока двух миров, открытых землянами, двадцать шесть уже входят в состав империи, а на пяти экспансия находится на том или ином этапе развития. А ведь все остальные, подстрекаемые выжившими заокеанцами, несут, как они говорят, цивилизацию в народы на лезвиях клинков своих солдат. Но это не только не удерживает аборигенов, но иногда и приводит к совершенно противоположным результатам. Около века назад на одной из планет вспыхнуло восстание, которое довольно успешно закончилось. С десятков лет они отбивались от своих бывших хозяев, которые хотели вернуть обратно свою бывшую колонию,

в одиночку. И когда те наконец от них отстали, решив не жечь больше ресурсы и деньги, так ими почитаемые, а устроить блокаду планеты, последние попросились под руку империи. Та, внимательно их выслушав, благосклонно кивнула, и через пару недель небольшие отряды кораблей, осуществлявшие блокаду были разогнаны из системы словно нашкодившие котята. Один, правда, эсминец огрызнулся и решил дать бой. Эта история мне особенно нравится, обожаю этих парней, – видимо, что-то вспомнив, улыбнулся Парон. – Так вот, капитан имперского крейсера приказал ответный огонь не открывать, а готовиться абордажной команде. Голубые береты – элита космического десанта. Когда они ворвались на вражеский эсминец, то даже не стали применять оружие, просто набили всему личному составу морды.

– И женщинам?

– Нет, женщин не трогали, если те сами не провоцировали этих парней.

– А были, кто провоцировал?

– Были, – вздохнул Парон. Взял кувшин и прямо через край в два глотка осушил его.

Хатиар привыкла к его грубым привычкам, поэтому не обратила на это никакого внимания. Ее интересовал совсем другой вопрос.

– И что они делали с такими? – с затаенной надеждой на лучшее наконец спросила она.

– Раскладывали прямо там, где застанут, задирали подолы или, если на девках были брюки, то снимали их, а потом...

– Насиловали, скоты, – закипела девушка, глаза которой презрительно сузились. – И тебе они нравятся?

– Кто сказал, что насиловали? – удивился Парон.

– Ты, только что, – уже кричала Хатиар. – Раскладывали, где застанут, и...

– Пороли, – заразительно засмеялся воин.

– Как пороли? – смутилась девушка.

– А вот так, – все так же хохотал мужчина. – Доставали из-под боевого скафандра широкие кожаные ремни и пороли. При этом приговаривали, что место женщины у домашнего очага, а не в боевой рубке корабля.

Услышав это, девушка тоже разразилась заливистым смехом.

– Я уже тоже влюбилась в этих парней, – отсмеявшись, произнесла богиня. – Правильно поучили этих дур. Предназначение женщин любить, давать жизнь, а не отнимать ее. Но, по моему, наш разговор немного ушел в сторону. Почему ты упомянул о стратегии Российской империи в деле освоения вновь открытых миров и почему мы пока разводим их с той цивилизацией, которая раньше вышла в космос.

– Разводим мы их по одной простой причине – будет море крови. Во-первых, их технологии немного совершеннее, чем у землян, а во-вторых, у них развито рабство, которое империя не признает ни в каком его виде. А что касается стратегии освоения новых миров... – Парон улыбнулся. – Я просто украл у них несколько индивидуумов, чтобы те подтолкнули Тивалену к развитию.

– Крис Великий и его Тени, основатель империи и его верные соратники, – воскликнула девушка, догадавшись.

– Да, милая, Крис Великий, – грустно вздохнул воин. – Но эти ублюдки все испохабили, разрушили создаваемое веками за неполный год.

Бог снова стал разъяряться.

– Стоп, – вдруг резко остановившись, спокойно проговорил Парон. Его взгляд застыл в одной точке, создавалось впечатление, что он смотрит через пространство и время.

– Дорогой? – пытаясь заглянуть своему избраннику в глаза, прошептала Хатиар.

– Милая, у Тивалены еще есть шанс возродиться. Взгляни.

Девушка подошла к Парону и уставилась в ту же, не существующую в этом измерении точку.

– Хорош молодец! – произнесла она, причмокнув губами.

– Дорогая, я на дело, – подражая мелкому базарному воришке, проговорил бог, чем вызвал у Хатиар широкую улыбку. – Если все срастется как надо, вечером у меня на хазе пьем мальвазию.

Богиня в очередной раз заразительно засмеялась. Золоченый доспех на войне превратился в серые длинные одежды с глубоким капюшоном, и бог в следующее мгновение исчез. Только по огромному залу заметалось утихающее эхо его последних слов:

«Как же ты вовремя, Атей».

«...ты вовремя, Атей».

«...время, Атей».

Лес Приграничья. Неизвестный в сером балахоне

В стороне от Даргасского торгового тракта, в густом первозданном Приграничном лесу на небольшой поляне лежали два существа: воин, облаченный в черный кожаный доспех, и невероятных размеров животное, весь вид которого говорил, что это хищник. И хищник очень опасный. Над ними, облаченный в длинный серый балахон, с упрятанным в глубокий капюшон лицом, стоял неизвестный и пристально вглядывался в распростертые перед ним тела. Больше всего в этом наряде незнакомец походил на странника, которые были не такой уж и большой редкостью на дорогах и трактах Тивалены.

– Атей, – пробормотал незнакомец. – Атей и Сай. Как же вы вовремя, ребята!

Бросив еще один взгляд на лежащих, он опустил перед ними на колено, выпростав из длинного рукава правую руку. Протянув ее над парнем ладонью вниз, странник неожиданно встрепенулся.

– Однако времени у меня совсем немного. Не ожидал, что он так быстро придет в себя, – быстро зашептал неизвестный и стал водить ладонью над телом. – Хорошо, совсем хорошо, а вот это просто великолепно. Все нужно, все оставляем, и это оставим, только подправим немного. Ну, не нужна тебе верность конкретному государству. Ты будешь верен себе, тем идеалам и понятиям, которые в тебя вложили твои создатели. Никто не будет вмешиваться в твою жизнь, даже боги. Нельзя нам этого делать напрямую, хотя разумные любят всех собак повесить на нас, если что-то не вписывается в логику их мышления. Ты и только ты хозяин своей судьбы – мы всего лишь сторонние наблюдатели. Но небольшой подарок я тебе все же сделаю, совсем маленький, – это не будет расцениваться как вмешательство. Ты думаешь, у богов мало бастардов в мирах, которые они патронируют? Как бы не так! У землян даже есть очень удачное словосочетание: «человек с божьей искрой». Иначе, откуда берутся все эти великие: полководцы, ученые, композиторы, живописцы? То-то и оно. Ну, а мне сам Создатель велел, ты будешь моим первенцем.

Все это время, пока незнакомец бормотал себе под нос, он не переставал делать пасы рукой над телом парня. И лишь в самом конце его ладонь на краткий миг прикоснулась ко лбу воина. Касание было очень быстрым, но когда после этого странник стремительно выпрямился, на лице Атея обнаружилась татуировка. Она представляла собой затейливую вязь переплетенных между собой плавных линий. Начиналась она с правой стороны лба, смещалась на висок и, огибая глаз, расплзалась по щеке, доходя до скулы.

– Прощай, сын, и пусть с тобой прибудет удача, – это были последние слова незнакомца.

Когда он увидел, как веки парня начали едва заметно подрагивать, тут же исчез, не оставив после себя даже примятой травы.

Лес Приграничья. Атей

Парень почувствовал, как правую сторону лица обдало жаром, который и послужил спусковым крючком дальнейший его действий.

Лежа на мягком травяном одеяле, он вдруг стремительно вскочил, распрямляясь, словно тугая пружина, которую до этого удерживал стопорный механизм. Несколько резких, отточенных до автоматизма движений, и воин опускается на правое колено, сжимая в руках

великолепный лук с наложенной стрелой и оттянутой до уха тетивой. Быстрый поворот на колене вокруг своей оси, чтобы оценить обстановку, и только после этого его взгляд останавливается на звере, продолжающем лежать на земле. Первоначальный, совсем кратковременный испуг за своего друга сменяется легкой улыбкой, которая едва трогает губы воина, когда он замечает, как возле носа большого кота слабо колышется травинка.

«Сай».

Ментальный позыв можно было сравнить с резким окриком, после которого черное гибкое тело, как до этого и его старший товарищ, молниеносно взвивается в воздух, становясь на четыре широко расставленные лапы. Пасть ощеривается в устрашающем оскале, демонстрируя великолепные клыки, а из горла низко опущенной головы раздается вибрирующий рык.

«Спокойно, брат, спокойно, – проговорил Атей, увидев, как его Спутник закрутился на месте, выискивая потенциальную опасность. – Мы одни».

«Где мы, Старший?» – Поток картинок, мыслей и чувств, передаваемый животным, сложился в голове человека (или вернее, совсем не человека) во вполне понятную речь.

«Могу сказать лишь то, что мы не там, где должны были оказаться».

Парень ослабил тетиву лука, снял с нее стрелу и, еще раз окинув окрестности, убрал оружие в налуч, а стрелу отправил в колчан к своим товаркам. Втянув ноздрями воздух, Атей почувствовал запах воды и, безошибочно определив направление, мягким, стелющимся шагом направился к краю поляны. Подойдя к большому валуну, наполовину вросшему в землю, он увидел бьющий рядом с ним родник с кристально чистой водой. Взглянув в водяное зеркало на свое отражение, воин прошептал:

– А вот этого рисунка на моем лице совсем недавно не было.

Окунув в холодную воду ладонь, Атей потер татуировку. А вдруг, может, это пыль легла таким причудливым рисунком, всякое случается. Но пары движений мокрой перчаткой хватило для того, чтобы понять – это навсегда.

«Сай, на тебе разведка и... – парень поднял голову, чтобы определить местоположение местного светила, и только потом закончил: – обед. А мне надо подумать».

«Понял, Старший», – ответил хищник, длинными прыжками удаляясь в сторону стены лесных великанов, стоящих по периметру поляны.

Воин отцепил от пояса клинки и снял походный мешок, к которому был прикреплен боевой посох. Отошел от родничка на десяток шагов под крону величественного лиственного дерева, которое очень напоминало дуб, со стволом в три обхвата, где и опустился на траву, скрестив перед собой ноги. Мечи расположились с правой и левой стороны, как говорится под рукой, чтобы незамедлительно можно было ими воспользоваться. Мешок и посох он поставил перед собой и погрузился в мысли, краем сознания не переставая отслеживать обстановку на поляне и в ближайших зарослях.

«Итак, что мы имеем? Это определенно не Аркадия, где перед ним стояли конкретные задачи. Что это за мир – вопрос другой и в данный момент не такой актуальный, как могло бы показаться. Исходя из того, что он оказался не там, где должен был, следует, что он теперь предоставлен самому себе и нужно устраиваться здесь в соответствии с существующими реалиями».

СТОП, а кто сказал, что я не знаю, где нахожусь? Мир Тивалена. Вращается вокруг звезды, которую местные разумные называют Хассаш. Три спутника. Один большой континент, тоже Тивалена, много островов. Некоторые очень крупные, которые без труда

можно принять за материки. Остальное – океан. Он на Тивалене, и основная жизнь идет здесь. На островах тоже есть разумные, но до более-менее развитого общества им еще далеко. Мореходство развито посредственно, если можно так сказать. Но с островами, окружающими этот материк, связь довольно хорошая. Шестьдесят второй год со времен Краха. Именно так с большой буквы. Население многорасовое, уже хорошо, я со своим не совсем человеческим видом не так буду бросаться в глаза. Оружие – старая добрая сталь. Прекрасно. Государства – ха, как блох на собаке, от очень маленьких до просто маленьких. Все воюют со всеми. Большая пустынная территория в центре континента – не заселена никем. Странно. Есть магия. Хороший такой пантеон богов. Ага, у воинов в почете Парон – бог воинов и ратей, что ж не мудрено. Единый язык для общения – общеимперский. Странно, а империй никаких и нет. Ну, да ладно. Кстати, я его знаю? Да знаю. Отлично. Вроде все. А больше и не надо. Что же, кто бы ты ни был – спасибо тебе за эти знания».

– Тивалена, – тихо проговорил Атей, поднимаясь на ноги, – встречай своего нового жителя. Вернее двух жителей, – добавил он, увидев, как из густого подлеска появляется Сай. В этот же момент по верхушкам деревьев пробежал ветерок, заставляя раскачиваться кроны. И на краткий миг парню показалось, что они приняты этим миром, приняты окончательно и бесповоротно.

«Люди с оружием, Старший», – это было первое, что сказал Сай, когда оказался рядом с парнем.

– А кто сказал, что будет легко? – очень хищно, по-звериному, улыбнулся воин. – Вперед, брат, будем вращаться в общество. Веди.

Быстро пристегнув к поясу ножны с мечами, подхватив посох и «Мечту пилигрима» воин бесшумно двинулся за котом.

Лес Приграничья. Гайн Смышленный, обер^[6] легкой конницы королевства Даргас

– Да уж, сопроводили караван, – вздохнул связанный, лежащий под кроной могучего дуба мужчина. Его лицо, залитое кровью, походило на гротескную маску, поэтому определить, сколько ему лет, не представлялось никакой возможности.

От заплывших от сильных побоев глаз остались только две узкие щелочки. Нос свернут набок, аккуратные темные усики, которые их владелец когда-то по-лихому закручивал вверх, теперь двумя кровавыми сосульками свисают вдоль рта. Губы превратились в две потрескавшиеся, сочащиеся сукровицей лепешки. От небесного цвета формы, вероятно, очень красивой в изначальном своем виде, остались только жалкие лохмотья, едва прикрывавшие тело. Руки и ноги туго связаны сыромятными ремешками. Рядом с ним абсолютно неподвижно лежат еще несколько тел, также избитые и крепко связанные. Его соратники.

– Кто хоть жив-то остался? – прошептал мужчина, пытаясь устроиться поудобнее, чтобы рассмотреть лежащих рядом с ним воинов. – Так, это Шерк, рядом с ним Рукоятка, парням досталось больше всех. Они хоть дышат? Дышат, слава Парону. Молчун и Кольцо, вот и все, что осталось от десятка. Невесело. Правда, там из личной охраны каравана еще кто-то остался, но отсюда не видно. А их еще дюжина, а мы связаны и без оружия, а начиналось все очень даже неплохо.

Патрульная пятина пронеслась, словно один день, и теперь у небольшого отряда легкой конницы королевства Даргас, которым командовал молодой обер Гайн Смышленный,

потомственный дворянин из рода Твейгов, была целая десятица отдыха. Пара мелких стычек, десяток развешанных на деревьях вдоль Даргасского тракта висельников – отличный результат рейда. Хотя сколько ни ловили, чтобы придать скорому суду, лихих людишек, меньше их в Приграничном лесу не становилось. Наоборот. В связи с очередной войнушкой между герцогствами Верен и Гальт-Резен, главы которых в очередной раз выясняют, кто из них самый-самый, приток народа, избирающего своим ремеслом обычный разбой, только возрос. Теперь контингент банд составляют бежавшие каторжники, убийцы, воры всех мастей, изгнанники из племен и родов. И что самое поганое – банды висельников начали пополняться дезертирами, которые бежали вместе с оружием и снаряжением. А это уже не мужики с дубинами да вилами, вышедшие на большую дорогу от безысходности. Таких и не осталось почти. И для любого из них в королевствах Центральной Тивалены была припасена веревка и ближайший сук. Именно потому их прозвали висельники.

И чтобы хоть как-то обезопасить Даргасский торговый тракт, на севере уходящий к Никейскому перевалу и далее в Андею, а на юге – к Эрейскому халифату, три королевства – Багот, Гронхейм и Даргас – заключили соглашение о том, что тракт в зоне ответственности этих государств будет попеременно патрулироваться их отрядами. Торговые сборы с купцов составляли значительную часть денежных средств, посредством которых наполнялась казна королевств, поэтому обезопасить хотя бы свои участки, чтобы этот поток не иссяк, было просто необходимо. Впрочем, точно так же поступали абсолютно все государства, по территориям которых шли многочисленные караванные дороги Тивалены. Пяти дней, чтобы проехать весь участок и показать свое присутствие, вполне хватало, чтобы отпугнуть или, если повезет, прищучить мелкие банды. А что касается крупных, то, если такие появлялись, против них отправлялись регулярные воинские подразделения. Они и выносили им надлежащий приговор.

Патрульная пятина закончилась, отряд Смышленного вернулся в Мегар, где постоянно базировалась их тысяча. Мегар вообще был удивительным городом. Он стоял ровно на границе королевств, разделяемый пополам небольшой речушкой, и поэтому одна его часть принадлежала Гронхейму, а вторая – Даргасу, но обнесен он был одной общей стеной. Здесь же, в Мегаре, стояла тысяча гронхеймских конных латников, из состава которой был его сменщик.

Бойцы Гайна уже всю рассуждали, какую из девиц известного на весь город заведения тетушки Пифы они выберут себе на вечер, когда капитан Сток Изюбр, принимавший у него эстафету по патрулированию, сделал ему заманчивое предложение. В герцогство Гальт-Резен уходил довольно большой караван, и его хозяин, обеспокоенный начавшейся там заварушкой, решил подстраховаться. Вдобавок к своей собственной охране он сделал предложение еще и Изюбру, решив его отрядом усилить караван. Но в связи с тем, что настала его патрульная пятина, тот уступает свое место Смышленому, рекомендовав его купцу. А почему бы и нет, решил обер, благо это времени займет: два дня туда и день налегке обратно. Зато потом в кармане будет позвякивать, отчего девочки тетушки Пифы станут покладистыми как никогда. Весь десяток был солидарен со своим командиром, поэтому на следующее утро из Мегара выезжал большой караван, отправлявшийся на юг, и отряд капитана Стока, державший свой путь на север.

Караван купца успел пройти только до полудня, когда на них посыпались стрелы с тупыми наконечниками, выбивая их из седел. Кто же будет убивать сразу живой товар, который в Эрейском халифате, Занде или Суниме можно продать с большой выгодой. Но

висельники немного переоценили себя или, наоборот, недооценили воинов из охраны каравана, поэтому, когда под сотню разбойников выбежало из леса, размахивая острыми железками, им все же смогли дать отпор. Вот только результат оказался таким, что, несмотря на отчаянное сопротивление, караван сейчас стоял в Приграничном лесу. Его охрана (кто остался в живых) и хозяева лежат рядком под деревьями, а на поляне хозяйничают висельники.

Пока Гайн был погружен в свои невеселые мысли, в лесу уже наступили сумерки. Разбойники развели большой костер, над которым висел котел с булькавшим в нем варевом. Сами висельники удобно устроились вокруг огня, пуская по кругу уже второй бурдюк с вином, который отыскивали среди товаров купца.

– А все же не стыдно будет вспомнить этот бой, – улыбнулся обер, от чего едва подсохшие губы снова треснули и на подбородок побежали тонкие струйки крови. – Два десятка оставили от сотни всего дюжину – хороший размен.

– Но все равно не в вашу пользу, – услышал он тихий шепот, раздавшийся прямо над ухом.

Смышленный вздрогнул, а затем резко повернул голову на голос. В двух шагах от него за стволом дуба на корточках сидел воин, облаченный в черный кожаный доспех. На голове был шлем с личиной, поэтому ничего, кроме блестящих в прорезях черных глаз, заметить было невозможно. Но появление этого странного незнакомца снова разожгло потухший было огонек надежды на спасение.

Лес Приграничья. Атей

До обнаруженных Саем людей было совсем недалеко. Полчаса легкого бега, и вот уже чуткие ноздри парня уловили запах дыма. Перейдя на шаг, он стал пробираться вперед очень осторожно. Вскоре к запаху дыма прибавился запах конского пота, потом запах давно не мытых тел. Но над всем этим превалировал запах крови, и тот запах, который носом учуять просто невозможно, – запах СТРАХА.

Послав Сая вокруг лагеря, Атей затаился в густом кустарнике на самом краю поляны, которую для своей стоянки облюбовали разбойники. О том, что это были разбойники, а не благородные рыцари, говорило их поведение. Только что два громилы с широкими кривыми саблями на поясах закончили бить молодого парня и, качественно связав, бросили его к уже обработанным таким же образом товарищам. Еще несколько человек потрошило повозки, выбрасывая наружу все, что им приглянулось. Что скрывалось за повозками, разобрать с этого места парню не представлялось возможным. Но доносившиеся до него звуки хлестких ударов, женский крик и плач говорили о том, что там не пироги раздают.

«Сколько их?» – сквозь сжатые зубы произнес воин, когда почувствовал рядом своего Спутника.

Ну, не любил он, когда обижают беззащитных, особенно женщин. Все его естество готово было сорваться в безумную атаку, но, несмотря на это, он остался неподвижен. Мудреное ли дело вырезать всю эту шайку, он давно уже понял, что этот сброд ему на раз-два. Но вот сделать так, чтобы при этом оставшиеся пленники не пострадали – для этого нужно обладать полной информацией.

«Двенадцать?» – поймав картинку от Сая уточнил Атей.

«Да, Старший. И они совсем недавно нашли вино».

«А вот это просто прекрасно», – хищно улыбнулся воин. И если бы главарь висельников увидел сейчас эту улыбку, больше похожую на звериный оскал, то бежал бы он через этот лес, не разбирая дороги. Лишь бы убраться с пути Зверя, по недогляду богов оказавшегося разумным.

«Еще час, и будет смеркаться, тогда и начнем, – взглянув сквозь густые кроны деревьев на небо, сказал воин. – А пока пойдем, посмотрим на солдатиков. Живы они еще?»

Лежащие под дубом солдатики оказались живы. Один даже был в сознании и все пытался приподняться и рассмотреть своих товарищей. Беззвучно выйдя из подлеска, Атей присел за стволом большого дерева и стал прислушиваться к бормотанию связанного. Выдержка парня, несмотря на его теперешнее положение, ему понравилась. В конце тот даже немного возгордился тем, что, несмотря на численный перевес разбойников, они хорошо их проредили. На что Атей шепотом возразил, что этого все равно оказалось недостаточно.

– Ты кто? – тихо задал идиотский вопрос Гайн. Ну, кто в такой ситуации будет рассказывать тебе свою родословную?

– Прохожий, – ответил воин с легким акцентом. Знание языка еще не означает его чистого произношения, особенно, когда ты пользуешься им впервые. – Потерпите еще немного, попробуем решить вашу проблему.

– Странный акцент. Ты не даргасец и не из Гронхейма.

– Тс-с-с, – приложил палец к личине Атей, в то место, где под маской должен быть рот. – Все потом.

Воин медленно поднялся, сделал шаг назад и вдруг исчез. Не было ни примятой травы, ни шелохнувшихся ветвей, ни сдвинутой с места опавшей листвы. Ничего, что указывало бы на его присутствие в этом месте еще мгновение назад.

– Обер, мне показалось или ты на самом деле с кем-то разговаривал? – тихо прохрипел пришедший в себя Шерк Огниво – сержант и давний приятель Гайна.

– Шерк, – улыбнулся Смышленный. – Рад слышать твой противный голос.

– И я тоже, обер, рад себя слышать. Ну, так как, мы еще на Тивалене или уже в сенях дружинной избы Парона, ждем приглашения за пиршественный стол? Хотя, если мы у Парона, почему я так хреново себя чувствую? И с кем ты разговаривал?

– Узнаю тебя, Огниво. Как ты говоришь? «Сержант должен знать абсолютно все, чтобы в случае чего не выглядеть перед командиром идиотом»?

– Именно. Ответь, мне показалось или нет, что ты разговаривал?

– Если показалось, то нам обоим. Только вот собеседник исчез.

– Как исчез, он что призрак?

– Точно, словно призрак, – задумчиво сказал обер. – Сделал шаг назад и растворился в лесу. Сказал, ждите – помогу. Кстати, висельники на боковую собираются. Так, надо устроиться удобнее, чтоб видеть все.

Гайн аккуратно, чтобы не привлечь внимания, подполз к стволу дуба, где после продолжительных телодвижений наконец прислонился к нему спиной. Теперь весь лагерь разбойников был у него на виду. Вскоре и Шерк сидел по правую руку от своего обера, еле слышно постанывая от разболевшихся с новой силой ран и ушибов.

В это самое время Атей и Сай находились на противоположной стороне поляны, где стояли разграбленные повозки караванщика. Здесь тоже было несколько связанных пленников, лежавших рядом с кучей барахла, которое разбойники покидали из телег прямо

на землю.

«Смотри, Сай, а главарь у них не такой уж и олух. Караул, во всяком случае, выставить догадался», – сообщил своему четвероногому другу парень, когда увидел, что один из разбойников с командирскими замашками повелительными жестами отправляет четверку висельников на определенные им места.

«Жить всем хочется», – ответил зверь.

«Это точно, – согласился с ним воин. – Вот только не все этого достойны. Эти – так точно нет».

Два хищника внимательно наблюдали за устраивающимися на ночлег бандитами. Один, из первой смены караульных, остался у костра, еще один, подхватив с собой небольшой котелок, направился между составленными повозками и дубом, где лежали связанные бойцы, на противоположный конец поляны. А вот два висельника задержались. Отдалившись от костра на пару десятков шагов, они остановились и о чем-то стали тихо переговариваться, изредка кидая взгляды на разместившихся возле костра подельников. Вскоре с освещенного огнем пятачка раздались первые громоподобные звуки храпа, услышав который два переговаривающихся разбойника, как по команде, сдвинулись в направлении кибиток.

«Все понятно, – ухмыльнулся Атей. – Сладенького захотелось. Этих валю первыми. Сай, твой тот, что между нами и деревом, он как раз в лес зашел. Работаем тихо, встречаемся у костра»

«Понял, Старший».

Четвероногий бесшумно скрылся в лесу, а парень мягким кошачьим шагом направился к двум кибиткам, проход между которыми как раз выводил к связанным пленникам, которые сейчас негромко постанывали, приходя в себя. Когда до стенки повозки оставалось пара шагов, он услышал испуганный девичий голос, громкость которого с каждым новым произнесенным словом только увеличивалась:

– Ой, мамочка, мамочка родненькая...

Для того чтобы определиться с направлением, откуда исходила нарождающаяся паника, Атеюхватило одного стука сердца. В один длинный прыжок, которому мог позавидовать даже Сай, он оказался рядом с девчушкой. Она смотрела на него большими от ужаса синими глазами и готовилась разразиться пронзительным визгом. А как тут не разразиться, когда, едва открыв глаза после продолжительного обморока, ты видишь черную фигуру, бесшумнодвигающуюся рядом. Ни рук, ни лица, ничего не видно, только два блестящих черных провала, называемого у людей глазами, из которых, кажется, буквально выплескивается Тьма. Ну, не бывает разумных с такими глазами.

– Тихо, девочка, тихо, – зажав рукой в перчатке рот пленнице, проговорил Атей. – Как же ты не вовремя очнулась, ну, ничего полежи еще немного.

С этими словами он второй рукой аккуратно пережал ей яремные вены, и девчушка снова оказалась в забытьи.

– Ты убил ее? – раздался еще один голос. Мужской, но довольно приятный.

– Да что же это такое? – не на шутку разозлился Атей, увидев устремленные на него зеленые глаза лежавшего в шаге от девушки молодого парня. Способности воина позволяли не просто видеть в темноте, но и различать практически всю световую гамму. – Проще вообще поубивать всех, кто сейчас в сознании, а потом разбираться. Хочешь жить – заткнись.

Последние слова воина пленник уже едва различил, потому как тот метнулся к стенке

кибитки, где и замер безмолвной тенью, опустив вниз руки с зажатými в них кинжалами, которые успел вытащить из поясных ножен, расположенных за спиной. И сделал он это очень даже вовремя, потому как любители сладенького, как их назвал Атей, плечом к плечу входили в проход между повозками. О том, что они почти мертвые, висельники даже не догадывались. Прижавшись лицом к тенту, парень краем глаза наблюдал в ожидании, когда разбойники поравняются с ним. И когда это произошло, воин стремительно обернулся вокруг своей оси. Зажатый в правой руке обратным хватом кинжал с чавкающим звуком вошел в глазницу ближайшего к воину висельника. Мягкий подшаг влево, и другой кинжал входит под подбородок второго разбойника, сначала пришиливая к нёбу язык, а затем пронзая мозг.

«Старший, я все», – неожиданно появился из леса Сай.

«А здесь что делаешь?»

«Вдруг помощь нужна. Тот, кстати, шел не просто так, а ужин нес еще двоим».

«А вот это минус тебе, дружище. Секрет?»

«Нет, лошадок охраняли в двух сотнях шагов отсюда».

«И?»

«Чисто, коняшки стреножены и уже успокоились. Не разбегутся».

Весь этот разговор занял у них буквально долю мгновения.

«Ладно, пойдём дальше, я тоже все».

– Попроси тех, кто придет в себя, не шуметь, – посмотрев в зеленые глаза пленника, все это время перескакивавшие с него на появившегося Сая и обратно, попросил Атей.

– Да, призрак, – кивнул незнакомец.

– Почему призрак? – удивился парень.

– Потому, что ты двигаешься абсолютно бесшумно и в данный момент я тебя не вижу. И тебя не видит та зверюга, что стоит слева и, наверное, собирается меня сожрать.

– Пф-фр, – фыркнул котяра.

– Это не зверюга, а мой друг, товарищ и брат, и он не ест разумных. Лежи, мы скоро.

– Развяжи, помогу.

– Нет, помешаешь, – донеслось из темноты до зеленоглазого.

Лес Приграничья. Гайн Смышленный и Шерк Огниво

– Как думаешь, тот парень, ну, призрак который, ушел или нет? – с надеждой спросил у своего сержанта Гайн.

Когда дневное светило полностью скрылось за верхушками высоких деревьев и в лесу стало совсем темно, затеплившаяся, было, надежда снова стала угасать.

– Не знаю, обер, – не стал ободрять его Шерк, но тут же вытянул шею в сторону кибиток. – Смотри.

Из-за повозок сначала появился огромный зверь, направляющийся в их сторону, а потом, словно из воздуха, материализовался давешний собеседник Гайна, легкой походкой вышагивающий в сторону костра.

– Мне кажется или они действительно вместе? – пораженный открывшимся видом, произнес Смышленный. – И что это за зверь?

– Не знаю, обер, но что-то мне подсказывает, что караула уже нет.

За это время Атей спокойно дошел до сидящего лицом к огню разбойника и сильным точным ударом в основание черепа сломал тому шейные позвонки. Придержав тело, чтобы

оно не свалилось в огонь, он аккуратно положил его на бок, рядом с пенечком, на котором тот сидел. Затем посмотрел на Сая, который уже занял свою позицию между спящими висельниками и связанными воинами.

«Что-то мне претит спящих резать», – остановился в нерешительности парень, оглядывая лежащие возле костра тела. Но понесшиеся вскачь дальнейшие события не оставили Атею много времени на обдумывание своих дальнейших действий.

Из густого кустарника, в десятке шагов от костра, вышел шатающийся висельник. Его взгляд был направлен себе под выпирающий живот, где непослушные руки никак не могли справиться с завязками на штанах.

– Вот хургово^[7] семя, ничего не видно, – заплетающимся языком проговорил он и поднял голову, посмотреть на костер, надеясь в его отблесках разобраться наконец-то с непослушными шнурками, у которого увидел силуэт воина.

– Трев... хр-рр, – громкий крик разбойника превратился в булькающий хрипящий звук, а сам бандит схватился за горло, из которого торчал один из метательных ножей Атея.

Какими бы беспечными и расслабленными ни были висельники, но краткого выкрика их подельника хватило для того, чтобы они начали действовать практически не раздумывая, будто и не спали только что крепким сном. И действовать довольно умело.

Стальной дождь швырковых ножей Атея достал только троих, пытавшихся дотянуться до своего оружия. А вот оставшиеся четверо наверняка были костяком банды и, как следствие, ее самыми опытными бойцами. Умело, перекатами, уйдя с линии возможной атаки, трое уже стояли с обнаженными клинками, готовые подороже продать свои жизни. Четвертый, чуть левее за их спинами, изготавливал для стрельбы старый потертый лук.

«Сай, лучник», – послал воин зов Спутнику, вытаскивая из-за спины мечи, которые пристегнул туда, когда пробирался по лесу к этой поляне.

«Аргх-х, шлеп», – короткое негромкое рычание закончилось длинным прыжком хищника, с последующим ударом лапы по голове стрелка, от которого она неестественно упала на плечо. Успевший наложить стрелу лучник выстрелить так и не смог, безвольно повалившись на землю.

– А-а-а! – заорал один из оставшейся троицы, обернувшись на звук удара и падающего тела, когда в пяти шагах от себя увидел скалящегося Сая. Его подельники тоже посмотрели в ту сторону, но сделали это более осторожно, отступив немного назад и в сторону, чтобы одновременно видеть и парня, и хищника. Картина их впечатлила.

– Кто ты? – немного дрожащим голосом произнес самый здоровенный разбойник, своими габаритами превосходящий даже Атея, а он был совсем не тщедушного телосложения. Видимо, главарь этой братии. – Это твой зверь? Что тебе надо?

– Как много ненужных вопросов, – играя в руках клинками, спокойно сказал воин. Однако у слышавших этот голос разбойников невольно становились торчком волосы на их давно немых телах. И отчего это происходит, они не могли понять. Казалось, они его слышали не ушами, а он рождался внутри них, своей вибрацией сминая и подавляя их волю.

– Тебе нужны деньги? Мы сможем договориться, – все-таки справился с накотившим на них параличом главарь.

– Не-а, – помотал головой Атей. – Мне нужны ваши жизни. Деньги пойдут довеском.

Поняв, что дальнейшего диалога не получится, командир висельников без промедления ринулся в атаку. Высоко подняв над головой тяжелую кривую саблю, он собирался одним ударом разделить этого чужака на две половинки, что до этого ему удавалось сделать не один

раз. Вот только сам незнакомец с этим был абсолютно не согласен. Сделав два скользящих шага по направлению к своему противнику, Атей на последнем резко присел, разворачиваясь на носках вокруг своей оси, пропуская справа от себя бежавшего бандита. Темное изогнутое лезвие Поющего стремительным росчерком бьет его под колени, практически перерубая ноги, и бандит, не успев опустить свою саблю, ничком падает на примятую траву, оглашая темный лес громким криком.

Не обращая внимания на завывания обезноженного главаря, Атей уже снова стоял в полный рост, встречая следующего висельника, который не стал ждать итогов боя своего командира, а практически следом за ним тоже перешел в атаку. Прямой, бесхитростный выпад сабли парень пропустил между левой рукой и телом, сделав неуловимое движение корпусом, уходя с линии атаки. Зажав оружную руку разбойника, Атей делает короткий шаг вперед, а потом резко бьет своей головой в переносицу противника. Ноги бандита тут же слабеют, а сам он, как и остальные его товарищи по разбою, с «удобствами» располагается на земле.

– Не убивай, – пронзительно закричал последний висельник, впечатленный молниеносной расправой с двумя лучшими бойцами их шайки. Он далеко отбросил от себя прямой короткий меч и круглый щит, обитый по краям железными пластинами, а потом упал на колени и опустил на грудь голову. – Не убивай, рабом твоим буду, только не убивай.

«Старший, он обделался», – пятась от трясущегося висельника и смешно скривив свою морду, послал зов Сай.

– Бывает, – пожал плечами парень, убирая мечи в ножны. – Ты посмотри за ним, а я пойду пленников освобожу.

Еще раз, окинув окрестности, Атей своей особенной походкой направился к большому дубу, походя чиркнув кончиком правого меча по горлу противника с разбитым носом. Смотревшим на него со стороны людям казалось, что идет не человек (ну или разумный), а самый натуральный хищник, только двуногий. Так ходят самые опасные четвероногие убийцы: мягко, расслабленно, зная себе цену. Вроде ничего их в этом мире не интересует, но в то же время, абсолютно все подмечая вокруг себя, они готовы сорваться в стремительной атаке на угрожающую им опасность уже в следующий миг.

– Соскучились? – подойдя к пленникам, сказал воин.

А зрителей под деревом прибавилось. Теперь все пятеро, что лежали под этим растительным великаном, с восхищением и каким-то едва заметным опасением взирали на остановившегося возле них воина. Атей не стал вести длительные беседы, а молча перерезал веревки всем пятерым. Потом поднялся и сказал:

– Разминайте конечности и освободите всех остальных, – указал он на стоящие повозки. – Потом собирайтесь у костра и сообразите ужин. Мне надо еще кое-что сделать.

– Призрак, – сказал Гайн, – это еще не все. Два висельника с лошадьми ушли.

– Знаю, – кивнул парень. – Не беспокойтесь о них. И я не призрак, я из плоти и крови.

– Угу, – буркнул Огниво, когда тот отошел от них. – Обер, а ты заметил на нем хоть одну царапину?

– Нет.

– Вот и я о том. Упокоить почти полтора десятка и даже не запачкаться. И этот зверь. Они ведь общаются, слишком грамотно действуют в паре, так не может работать прирученное животное, тому нужна конкретная команда. И не видел я таких никогда на Тивалене. Похож на лирга, но не он.

– А может, это выходец с Пепелища? Там всяких диковинок полно, одни вампиры с оборотнями чего стоят, – заговорил пришедший в себя совсем недавно еще один, уже бывший пленник.

– Все может быть, Кольцо, все может быть, – задумчиво глядя в спину удаляющегося парня, пробормотал Шерк. Ему почему-то показалось, что тот прекрасно слышит весь их разговор. – Командуй, обер, надо и остальных освободить, а то застой крови к хорошему не приводит.

А Атей, и правда, слышал, но только ухмылялся под надетой личиной. Он нисколько не сомневался, что его персону скоро обрстет кучей небылиц. Очень уж любят разумные списывать на сверхъестественное то, что не могут для себя понятно объяснить.

«Кстати, – подумал он про себя. – Надо будет выяснить, что это еще за Пепелище». Как ему показалось, этим словом они обозначили не какой-то конкретный сожжённый дом или селение, а что-то более глобальное.

Собрав свои метательные ножи, Атей аккуратно вытер их подобранной возле костра тряпицей, а потом направился к главарю, который уже не орал, а негромко подвывал на одной ноте.

– Ты мне что-то рассказывал про деньги, – спросил он висельника, присаживаясь рядом с ним на корточки.

А что? Как ни крути, а без платежных средств ему никак не обойтись. Ну, не существовало в природе, как ему было известно, ни одного общества, в котором были бы проигнорированы деньги. Будь то раковины, наконечники стрел, золотые монеты, хрустящие бумажки или эфемерные кредиты – везде за товары и услуги было принято расплачиваться.

– Чтоб ты сдох, – выплюнул раненый. – Ничего я тебе не скажу.

– Ну ладно, – пожал плечами парень, наступая на запястье висельника и вытаскивая из-за голенища сапога небольшой кинжал. – Никто не вечен, но вот ты, прежде чем умрешь, не раз пожалеешь о том, что не рассказал все сразу.

Острые кинжала пробило один из грязных ногтей растопыренной и прижатой к земле пятерни главаря, отчего тот снова зашелся громким криком.

– Клянусь Честью, – совсем другим голосом, в котором звенела сталь, после того как крик немного утих, заговорил Атей. – Скажешь, где деньги – убью быстро и безболезненно.

Он выполнил свое обещание. Главарь висельников недолго сыпал проклятиями, уже после третьего пробитого ногтя, он на одном дыхании выдал все о своих накоплениях, которые находились совсем рядом – в его мешке у костра. Не доверял он тайникам, а к банкам гномов его никто не подпускал. Поэтому все награбленное он, через нечистых на руку купцов, быстро превращал в звонкую монету. Накоплений было не сказать, что много, но и немало. Последнее прибавление в отряде, когда он за счет дезертиров довел его численность до полной сотни, изрядно облегчило казну отряда. Впрочем, после стычки с охраной этого каравана он снова был в большом плюсе. Деньги убитых вернулись в казну, да еще и сам купец со своим товаром и золотом должен был ее пополнить. Так что причин нарушить свое слово у Атея не было никаких. Вот только оружие в руки главаря, как тот просил, он вкладывать не стал. Видите ли, у них, у урукхаев, настоящие воины должны уходить к предкам с оружием в руках. «Вот только какой ты на хрен воин, – подумал тогда парень, – если воюешь с бабами?» Но вместо этого произнес на непонятном для главаря языке: «Вот что, ребята, пулемета я вам не дам», после чего проткнул кинжалом сердце.

Вообще Атей не знал, что такое пулемет, создатели решили, что в том мире, где он

должен был работать, такая информация для него будет лишней, но эту фразу, как и очень много других, часто повторял один из его создателей, вот и запомнилось.

На поляне уже всюду суетились освобожденные пленники, поэтому они с Саем отошли под то самое дерево, где еще недавно лежали связанные бойцы, прихватив с собой мешок главара. Воин сел в свою излюбленную позу, скрестив перед собой ноги, а котяра развалился рядом, положив на передние лапы свою массивную голову.

«Дружище, ты не пробежишься по округе, свежатинки не добудешь? Есть хочется», – послал зов Атей.

«Конечно, Старший, – пружинисто поднимаясь, ответил Сай. – Я недолго, слышалось мне повизгивание, когда я к лошадам бегал».

Быстро посмотрев содержимое мешка главара, парень снова стал наблюдать за поляной. Молодец этот молодой командир. Быстро и главное грамотно все организовал. Мужчины, кто в состоянии двигаться, споро обыскивают мертвых висельников, раздевают их до исподнего, а тела потом аккуратно укладывают на открытую телегу. Кто-то уже побежал за коняшками. Две женщины, одна из которых была совсем молодой и очень хрупкой, а вторая – дородная, пышущая здоровьем тетка, хлопотали над ранеными. Еще несколько человек собирали в одну кучу разбросанное оружие и подносили к костру валежник.

Из всей этой картины выделялись только два персонажа: сухонький мужичок с плутоватым взглядом и такая же женщина, ему под стать. Как понял Атей, по доносившимся до него словам, это были хозяин каравана и его жена. Они сидели возле костра и жадными взглядами смотрели на расстеленный в десятке шагов от них плащ, на который воины ссыпали обнаруженные у висельников деньги и драгоценности, припрятанные от главара. А может, это было их жалованье, кто теперь разберет. Мужичок встал, подошел к командиру и что-то начал ему нашептывать на ухо, показывая на растущую перед ними кучку, сверкавшую в отблесках огня. Молодой парень неожиданно резко отстранился от того, набычился и отрицательно покачал головой. А потом вообще отошел от него подальше, посмотрев при этом на мужика с нескрываемым презрением. Купец, бросив на него злой взгляд, снова уселся рядом с женой.

Наконец, с организацией порядка на поляне было все закончено. К этому времени один из погонщиков (ну, не похож был этот мужик на воина) привел из леса здоровенного битюга. Сноровисто запряг его в груженную телами висельников телегу, после чего, взяв под уздцы лошадь, снова направился в лес. А в направлении Атея двинулась небольшая делегация.

– Я не успел представиться сам и представить своих друзей, – остановившись в двух шагах от сидящего парня, сказал тот самый молодой командир, который и организовал всех на поляне.

Он уже успел кое-как привести себя в порядок. Во всяком случае, кровь и грязь с лица была смыта, и теперь перед Атеем стоял довольно симпатичный молодой человек, если можно было так сказать о парне, лицо которого представляло собой один сплошной синяк. Слева от него стоял незнакомый воин с хмурым, серьезным лицом, лет под сорок, по человеческим меркам. Его русая с проседью борода была аккуратно подстрижена, а длинные усы заплетены в косички, свисающие ниже подбородка. Серые глаза пристально, но не вызывающе осматривали Атея.

А вот еще два бойца были парню знакомы. Ну как знакомы, один был рядом с командиром, когда те лежали вот под этим дубом. А зеленые глазищи второго забыть было просто невозможно. Посмотрев на утонченное лицо с острыми ушами и светло-русыми

волосами, Атей понял, что перед ним представитель еще одной расы Тивалены. Об урукхаях он уже знал, и не только знал, но очень тесно общался с ними, а вот таких еще не встречал. Да и когда бы он успел их встретить, суток не прошло, как он оказался в этом мире, и стоящие перед ним – первые встреченные им разумные.

Атей поднялся, смахнул прилипшую травинку, невидимую для других, и, наконец, стянул с себя шлем, до этого времени скрывавший его лицо от окружающих.

– Гайн Смышленный, обер легкой конницы королевства Даргас, – одернув изодранный мундир, кивнул головой воин, потом представил стоящего справа соратника: – Мой сержант Шерк Огниво. А это...

– У нас есть языки, обер, – не совсем вежливо перебил его воин с хмурым лицом. – Хальд Северянин, род Ледяного Волка.

– Его второе имя обо всем говорит, – не остался в долгу Гайн. – Андейцы^[8] – прекрасные воины, но вот манеры и вежливость у них не особо в ходу.

– Ты правильно сказал, даргасец. Я воин, а не румяная девка, рассыпаться в любезностях, – покосился на него Хальд.

– Начинается, – прозвучал приятный голос зеленоглазого. – Простите их, гариэр^[9], всего половину дня они были в одной команде, но за это время все остальные очень много нового узнали о них. По их же словам: один из них неотёсанный варвар, другой – женоподобный шибздик.

Услышав это, парень невольно улыбнулся, показывая кончики клыков, отчего и так поевавшие его глазами воины невольно вздрогнули, за исключением зеленоглазого, который остался абсолютно невозмутимым.

– Лайгор Узелок из дома Изгоев, – представился он и элегантно склонил голову, на что Атей ответил ему не менее изящным поклоном.

Именно в этот момент невозмутимость Лайгора дала трещину, на лице промелькнуло легкое изумление, но он быстро взял себя в руки. Ну, откуда ему было знать, что парень, стоящий перед ним, не просто умеет убивать, но еще знает и этикет, принятый у самых знатных аристократов не только Земли, но и всех открытых землянами миров.

– Вот видишь, Хальд, – кивнул в их сторону Гайн, тоже справившийся со своими эмоциями. – Можно быть не только прекрасным воином, но и учтивым гариэром.

– Атей, – в свою очередь быстро представился парень, пресекая на корню словесную перепалку Гайна и Хальда.

– Атей. А дальше? – после небольшой паузы, спросил Лайгор.

– Дальше что? – не понял парень.

– Нам интересно узнать твое второе имя и род или дом, или семью, не знаю, как у вас принято, – пояснил Гайн.

И парню пришлось, как говорится, на коленке сочинять небольшую легенду. Впрочем, она у него получилась совсем короткая, и, самое главное, достоверность ее проверить никто не мог, во всяком случае, Атей так думал. И произнес он ее уверенным голосом, смело глядя в глаза своим собеседникам.

– Просто Атей, родных, кроме старого воина, воспитывавшего меня с младых лет, не помню и не знаю. Я его называл просто дядька. Жили уединенно на небольшом южном острове. После того как дядька умер от старости, оказался в ваших местах, где никого и ничего не знаю. Ни ваших обычаев, ни устоев, ни законов, в том числе и о втором имени. Вот и все.

Слушавшие мужчины спокойно восприняли его рассказ, не таким уж необычным он и был. Взять, к примеру, раба, уже родившегося в неволе у нумейцев^[10] и проданного в королевства Центральной Тивалены. Кроме окрестностей стойбища, до попадания в цивилизованный мир он ничего не видел, поэтому все для него будет здесь ново и непривычно.

– Не такая уж и редкая история, – пожал плечами Шерк.

– Согласен с тобой, сержант, – поддержал его Лайгор. – Но судя по вашим манерам, вы воспитывались аристократом, а второе имя разумному дает или старший рода, или сам народ, если, к примеру, сирота. И если до этого у вас его не было, то сейчас, мне кажется, уже появилось.

– Да? – изумленно поднял вверх брови Атей.

– Да, гариэр, – улыбнулся зеленоглазый. – Разрешите задать вам вопрос?

– Конечно.

– Что это за зверь, что сражался рядом с тобой?

– Это сайшат, мы росли с ним вместе, и он мне как брат, – ответил парень. – Разрешите и мне теперь задать вопрос?

– Да?

– И какое имя мне дал народ? – с легкой иронией спросил Атей.

– Там на поляне все благодарят своих богов за то, что они послали им призрака, который принес им свободу, а возможно, и сохранил жизнь. Примите мою благодарность, – снова легко поклонился Лайгор и, подняв голову, закончил: – Атей Призрак из дома Сайшат.

Все еще раз в знак благодарности кивнули своими головами, только Хальд после этого весело хмыкнул, показав ровные и крепкие белые зубы:

– Хм, всегда удивлялся вам, ушастый, как вы умеете все расставить по полочкам. И ведь не придерешься ни к чему.

Все дружно рассмеялись.

– Может, все же пойдём к костру? – отсмеявшись, сказал Хальд. – Остальные тоже хотят увидеть своего избавителя. Да и есть хочется. Медая, наверное, освободилась и что-нибудь сообразит на скорую руку.

«Старший, я рядом».

«Я давно тебя чувствую, Сай».

– Подождите, – поднял руку Атей и, повернув голову в сторону леса, сказал: – Выходи.

Раздвигая густой подлесок, к дубу шел кот (все же Кот, ну никак огромный хищник не ассоциируется с уличным котом), неся в зубах тушу молодого кабанчика. Увидевшие его воины произвольно начали шарить у своих поясов руками, пытаясь нащупать рукояти мечей, которых в данный момент у них не было. Остановившись справа от Атея, Сай положил на траву добычу, поднял голову и с едва слышимым шумом втянул ноздрями воздух.

«Они напряжены, но я не чувствую страха. Хорошие воины, не чета тем, чьи тела сейчас сваливают в овраг. Непонятно, как они могли проиграть?»

– Их было двадцать против ста и на них напали неожиданно, – вслух проговорил парень.

– Вы это спрашиваете или утверждаете? – поинтересовался Лайгор, не поняв, кому адресована эта фраза.

– Сай сказал, что вы напряжены, но страха не испытываете. Так могут вести себя только настоящие воины. И еще он удивляется, почему вы не смогли отправить всех разбойников на корм червям. Примерно так.

– Я же говорил, что они общаются! – радостно воскликнул Огниво.

– Именно так, – подтвердил Атей.

– Спасибо за лестную оценку наших качеств, благородный Сай, – кивнул Лайгор, а потом, сделав круговое движение головой, обозначая этим своих спутников, сказал. – Это я произношу от нас всех. Альвы намного ближе к природе, чем эти черствые мужи.

Кот прикрыл на миг глаза, мотнув головой, как бы говоря этим, что благодарность принята.

– Ну, теперь можно и к костру идти, – сказал Атей, подхватывая свой мешок с посохом, а также мешок покойного главаря.

Первой их заметила бойкая девчушка, помогавшая дородной тетке хлопотать у огня. Прошептав ей что-то прямо в ухо, она дождалась, когда та поднимется и обернется в сторону приближающихся воинов, а потом юркнула ей за спину. Еще через некоторое время, увидев их телодвижения, все, кто мог стоять на ногах, сгрудились в пяти шагах от костра, ожидая, когда их избавитель подойдет к ним. Даже караванщик со своей супругой были подняты одним из воинов, резко при этом им что-то сказав.

Вышагивающие мягкой походкой Призрак, как его успели прозвать, и его зверь, стоили того, чтобы на них посмотреть. Более колоритной парочки никто из здесь присутствующих никогда не видел. Встречаются, конечно, в передвижных балаганах дрессировщики с прирученными бергами^[11], как их называли северяне, но те всегда на цепи и с замотанными мордами. А эта зверюга шагает рядом со своим хозяином да еще тащит тушу лесного поросенка.

А сам воин! Широкоплечий, высокий, голова немного приподнята, спина прямая, на губах еле заметная улыбка. Аристократ, как пить дать, аристократ. Но больше всего запомнился взгляд его черных глаз, который, казалось, проникал во все самые потаенные уголки их душ.

Когда они подошли к столпившимся бывшим пленникам, вперед вышел Лайгор. Обращаясь сразу ко всем, он произнес:

– Представляю вам нашего избавителя от постыдного будущего, которое совсем недавно маячило у всех перед глазами. Гариэр Атей Призрак из рода Сайшат.

Воины с достоинством кивнули головами, возникшие и обслуга каравана, вместе со своим хозяином согнулись до земли, а вот дородная тетка и девчушка за ней упали на колени, от чего Атей немного поморщился, что не укрылось от взгляда Лайгора, который чуть в стороне стоял боком и к тем и другим. Когда он увидел реакцию парня на коленопреклоненных девиц, его левая бровь слегка, практически незаметно, дернулась от удивления.

А еще кто-то прошептал: «Не знаю такого рода, голодранцы, небось». Но его никто не услышал, ну, почти никто.

– Мне неизвестно, кто это сказал, – ровным голосом начал говорить парень. – Но когда услышу этот голос еще раз, то обязательно его узнаю. У меня очень хорошая память.

Абсолютно все посмотрели на Призрака, не понимая, о чем он.

– Но могу уже сейчас ответить этому разумному, – продолжил парень. – Да этот род совсем небольшой. Он состоит всего из двух разумных.

Атей сам не понимал почему, но его очень задели услышанные им слова. Почему, ну, почему во многих мирах и у многих народов единственным мерилем достоинства, знатности и величия являются в первую очередь деньги? Его нервозность передалась и Саю, хвост которого, словно тугая плеть, начал хлыстать по бокам. А парень продолжил:

– За всю свою жизнь я услышал от своего воспитателя и наставника очень много умных изречений, но одно из них мне запомнилось особенно, и я выбрал его для себя жизненным девизом: «Где Честь, там и Правда». И если еще раз кто-то позволит про меня или мой род сказать что-то не совсем хорошее, то я вобью ему эти слова в глотку, – негромко, но пробирающим до костей голосом, таким, что способны вымораживать океаны, закончил Атей.

«Это купец, – послал зов Сай. – Он скоро обделается от страха, как тот бандит».

«Я тоже это чувствую, дружище».

Спустя пару мгновений, резко успокоившись, с ласковой, но хищной улыбкой, Атей обычным голосом добавил:

– Вобью вместе с зубами.

– Ха-ха-ха, – раздался громкий смех от лежащих в стороне раненых. – Мне нравится этот парень, задери меня хурги.

– Это кто? – посмотрев на стоящего рядом Хальда, спросил Атей.

– Адым, – поморщился Северянин. – Вот он точно неотесанный, что то бревно. Одним словом – урукхай.

Смотревшие до этого на Атея с нескрываемым ужасом караванщики, за исключением, конечно, воинов – этих мало чем запугаешь, стали потихоньку приходить в себя. Некоторые после заразительного смеха Адыма даже начали скромно улыбаться.

– Почему вы стоите на коленях? – подошел к крупной женщине и девчужке Призрак.

– Понимаешь, Атей, – решил просветить его Лайгор, оказавшийся рядом с парнем. – По нашим законам, теперь все это, – он обвел рукой поляну, – является твоим трофеем, за исключением свободных разумных. Медая и Даринка рабыни Хрока, значит, в какой-то степени тоже являются имуществом, только живым.

Не любил Атей рабство, но понимал, что в каждом мире свои порядки и устои. Но еще больше он не любил рабов, которые безропотно воспринимали свою судьбу, теряя гордость и самоуважение, не говоря уже о чести. История немало знает примеров, когда разумные не хотели другой судьбы, кроме рабской.

– Встаньте, – холодно произнес Призрак.

«Вот это харизма, – восхищенно подумал в этот момент Лайгор Узелок, услышав интонацию, с которой Атей произнес одно-единственное слово. – Вымораживает от голоса. Сразу хочется накинуть на плечи теплый, подбитый мехом плащ, хотя и лето вокруг».

Женщины поднялись, но все так же смотрели себе под ноги. Старшая теребила в руках застиранный, штопанный-перештопанный передник, а девочка (только сейчас Атей рассмотрел, что ей не больше пятнадцати лет) держалась своей худой ручонкой за подол ее юбки.

– Расскажите о себе, – более мягко произнес парень, чувствуя, что девочка готовится упасть в обморок.

Начала, как и ожидалось, старшая, но голову все равно не подняла. Откуда было знать Медае, кто он такой, этот Призрак. Ну да, спас, выручил всех, вот только для них с Даринкой абсолютно ничего не изменилось, просто новый хозяин у них появился немного раньше, чем должен был. Хрок хотел их перепродать в герцогстве Гальт-Резен, а оттуда они наверняка отправились бы еще дальше – в Суним или Эрейский халифат. Во всяком случае, Даринка точно. Любят на юге невинных девушек с севера. Но Хрока они немного, но знали, а вот этого грозного воина, который совсем недавно, словно слепых кутят, вырезал всех

висельников, – нет.

– Что рассказывать, господин? – пожалала плечами женщина. – Меня зовут Медая Пышка, ее, – она нежно погладила девочку по голове, – Даринка. Мы из северо-западных вольных баронств. Уважаемый Хрок купил нас у светлых альвов. Вот и все.

– Мда, негусто, – сказал Атей. – А к альвам как попали?

– Барон продал, которому мы попали в качестве трофеев. Тамошние бароны частенько друг с другом воюют. Мы пару лет у него работали, но в последнее время он к очередной войне начал готовиться, поэтому ему были нужны деньги для нее. Вот и продал.

– К родным вернуться хотите? – задал вопрос парень. Стоявшая до этого на поляне тишина (все слушали разговор Призрака с рабынями) стала абсолютной. Даже потрескивавшие в костре дрова, казалось, затихли. Все взгляды были устремлены на Атея и женщин, которые тоже наконец подняли на него свои глаза, в которых плескалась смесь из противоречивых чувств. От радости, если их освободят, до ужаса – куда идти без денег и защиты? Только до первых разбойников. Но еще страшнее было то, если это окажется просто игрой решившего развлечься господина.

– Свобода – это, конечно, хорошо, господин, – наконец, справилась с собой Медая. – Но куда нам идти? У нас не осталось родных, а знакомым мы и задаром не нужны.

И тут Атею пришла совсем дикая идея. А что? Если есть род – он должен расти и становиться сильнее. И пусть большой силы эта женщина (да какая она женщина, лет двадцать пять – двадцать семь, не больше. Дородная, мощная – вот и кажется взрослее) и девчушка не прибавят, но ведь большая река начинается с маленького ручейка. А они нравятся ему.

«Согласен, Старший, хорошие они», – встал рядом Сай.

«Нехорошо подслушивать».

«Не думай так громко».

– Встаньте на колени, – громко произнес Атей.

Девушки бросили испуганный взгляд на Призрака, но на колени опустились. Воины, предчувствуя, что сейчас будет происходить что-то важное, придвинулись ближе. А вот, что произошло потом, многих ввергло в ступор, так как свидетелями такого события они являлись впервые.

– Я, Атей Призрак, являясь главой рода Сайшат, – начал торжественно говорить парень, положив свои ладони на головы девчат, – принимаю в него Медаю Пышку и Даринку и беру всю ответственность за них как глава. Помните девиз нашего рода, вновь вошедшие в него: «Где Честь, там и Правда», и пусть ни мне, ни богам не будет стыдно за ваши слова и поступки. Я сказал.

На поляне все разом выдохнули, оказывается, все присутствовавшие на поляне слушали Призрака, затаив дыхание. И тут же заговорили стоящие рядом воины.

– Я, Лайгор Узелок, дом Изгоев – свидетельствую.

– Я, Хальд Северянин, род Ледяного Волка – свидетельствую.

– Я, Гайн Смышленный, барон Твейг – свидетельствую.

Атей вопросительно посмотрел на альва, и тот поспешил ответить на незаданный вопрос:

– У нас, если принимают в род, дом, семью, неважно – нужны три свидетеля из самых уважаемых членов рода. Но в твоём случае, Призрак, могут свидетельствовать и члены других родов, и никто не скажет, что это не правильно. А если скажут... – улыбнувшись,

начал Лайгор.

– То подавятся моим мечом, – хищно улыбнулся Атей, на что альв утвердительно кивнул.

– Встаньте, – велел парень.

Он не видел, но чувствовал, как тряслись плечи у девушек, когда он произносил свою речь. И теперь, когда те поднялись, увидел мокрые от слез глаза, в которых плескалось СЧАСТЬЕ.

– Медая, – подмигнул он. – Главу кормить будешь? Или мне самому?

С момента, когда девушки встали, прошло совсем ничего, но как изменился их вид и поведение. Плечи расправились, подбородки приподнялись, потухший было взгляд теперь излучал уверенность и гордость. Теперь они не рабы, а свободные люди, не просто свободные – за их плечами род, глава которого стоит не одного десятка самых отважных воинов. Но вместе с этим они понимали и всю ответственность, которая легла на них. Нужно следить за своими словами и поведением, чтобы ненароком не бросить пятно на главу и семью.

– Да, что же это я, – по-бабьи всплеснула руками Медая, что смотрелось очень комично в исполнении молодой девушки. – Глава, это мы быстро. Даринка...

– Подожди, подожди, – придержал этот ураган Атей. – Это Сай, – положил он руку на загривок Коту. – Он четвертый из рода Сайшат. Не воспринимайте его как животное, запомните – он член семьи и понимает все, что говорят окружающие.

Даринка с детской непосредственностью тут же бухнулась перед Котом на колени, абсолютно не пугаясь (как так – пугаться члена семьи?) ощерившегося в своей звериной улыбке Сая, обняла его за толстую шею и смачно поцеловала в мокрый нос.

– Кабанчика заberi, Медая, – с улыбкой смотря на растерянного зверя, сказал Атей. – Накормить нужно всех, гостеприимство должно в нашем роду быть в крови.

– Не беспокойся, глава, всех накормлю, – уверенно заявила Пышка. – Ложки будут облизывать.

Практически все улыбались, стоя у потрескивавшего огня. Каждый сегодня что-то приобрел. Кто-то свободу, кто-то и того больше – семью. И только купец и его жена стояли хмурые, затаив непонятно на кого злобу. Что им свобода, когда они остались без денег. Но с ними Атей решил разобраться позже.

Повернувшись к Хальду и Гайну, он сказал:

– Пусть ваши бойцы заберут свое оружие и бронь, – указал он на сложенные в кучу клинки. – Не дело воину ходить без меча на поясе.

И снова он поразил бывших пленников, особенно купца. Кто же будет отказываться от законных трофеев – оружие в этом мире стоило очень дорого. А вот Хальд и остальные бойцы удивились не сильно. От разумного с таким девизом было бы странно услышать что-нибудь другое.

Все воины синхронно прижали правые кулаки к левой стороне груди и коротко кивнули. Зазвенело разбираемое железо: воины выскивали свои кольчуги, шлемы, мечи и сабли.

«Старший, а они тебя еще больше стали уважать».

«Да они вроде и раньше косо на меня не смотрели?»

«Тогда они тебя уважали за твое воинское искусство, а теперь еще и за твои поступки».

«Ну, может, когда-то нам это и принесет дивиденды?»

«Слово-то какое выискал – дивиденды. Ты брось это, не засоряй мир. Не все то, что ты

знаешь, годится для Тивалены».

«Да ты философ, брат, но ты прав – буду следить за своей речью».

Пока они беззвучно для остальных беседовали, воины уже облачились в свою справу.

– Пойдем, Призрак, с остальными бойцами познакомлю, – сказал подошедший Хальд.

На нем была не новая, но довольно добротная кольчуга двойного плетения. На поясе висел полуторник в простеньких деревянных ножнах. Его рукоять, обмотанная кожаным ремешком, блестела словно лакированная. По-видимому, меч не успевал засиживаться в ножнах. Кроме этого, на том же поясе с бляхой из черненого серебра в виде головы волка были прицеплены длинный охотничий нож и каркасный шлем с бармицей и наносником. У Лайгора, который тоже успел облачиться и теперь стоял и проверял, все ли с его оружием в порядке, сбруя была похожая, только выглядела, как и все у этого альва, более изящной. Тонкий кривой меч, легкая, даже на вид, кольчуга с рукавами по локоть. Узорный шлем-пышак и длинный лук, конец которого торчал из-за плеча.

– Я и сам хотел тебя попросить об этом, – кивнул Атей.

Знакомство много времени не заняло. Чтобы не разбредаться по лагерю, Призрак и остальные воины уселись на принесенные караванщиками бревна недалеко от костра, так, чтобы не мешать хозяйничавшей у него Медае. Сюда же поднесли двух раненых воинов, оба из отряда Хальда. Оказывается, именно он был командиром охраны каравана, а не Лайгор, как подумал сначала Атей. К настоящему моменту в живых из двух десятков осталось девять воинов. Пятеро кавалеристов Даргаса: Гайн, Шерк – этих Атей уже знал, Гук Рукоятка, Витс Молчун и Лорн Кольцо. Все в той или иной степени потрепанности, но оружие в руках держали уверенно. А вот у Хальда было с личным составом совсем кисло. Сам Северянин с Лайгором да два лежачих: Снори Последыш, оказавшийся младшим братом Хальда, и урукхай Адым Лошадник. Последышу сломали ногу, а Адым получил по голове булавой. Мозги не вынесли (как сказал альв, нечего там выносить), но стоять сам урукхай пока не мог – кружилась и болела голова, да еще выворачивало нутро наизнанку. Ничего опасного, и если бы был маг-целитель, то поставил бы обоих на ноги буквально за один день. Лайгор, как и всякий альв, обладал слабым магическим даром, но его усилий хватило лишь на то, чтобы приглушить у воинов боли.

Разговор давно перетек в неспешную беседу, в которой участвовали все воины, все чаще и чаще отвлекавшиеся на умопомрачительные запахи, которые уже давно раздавались от костра, заставлявшие их слглатывать обильную слюну. Один Сай был доволен и сыт. Давно получив свою долю от принесенного им кабанчика, выделенную щедрой рукой Медаи, он устроился за спиной Атея и тихо дремал.

Сам Атей пристально глядел на небо, на темном небосводе которого, в окружении миллионов звезд, величественно плыли три луны. Одна большая и две поменьше, едва четвертая часть от нее. Парень был поражен этим видом, но умело это скрывал. Увидев его заинтересованный взгляд, Лайгор сказал:

– У альвов есть легенда, что Хассаш и Ночные Жемчужины были когда-то одной семьей, но во время Великого Хаоса потеряли друг друга. И теперь они ходят одними тропами, в надежде найти друг друга и снова объединиться. Только Хассаш проходит тропой днем, а его жена и сын с дочерью идут по той же дороге ночью. И так им и предстоит скитаться все время своего существования, отмеренного им богами.

– Грустная история, – сказал Последыш.

– Зато красивая, – возразил Лайгор.

– У них, у альвов, все так, – ухмыльнулся Хальд. – Они даже по поводу похода в сортир смогут сочинить балладу или легенду, которую потом будут петь во всех тавернах Тивалены.

– Красота должна быть во всем, даже в смерти, – произнес альв.

– У нашего народа есть поговорка, – задумчиво проговорил Атей. – Мне рассказывал про это наставник. Она гласит: «Главное не когда умереть, а как».

– Красивые слова, – согласился с ним альв. – Призрак, ты поделиться со мной еще мудростью своего народа?

– Конечно, – кивнул головой парень. – Послушай, Лайгор, а почему тебя прозвали Узелком? Я примерно понял, как разумные получают свои вторые имена, но вот происхождение твоего у меня вызывает затруднения.

– Я ничего не забываю, Атей, – улыбнулся альв. – Ни плохого, ни хорошего. А для этого в уме вяжу узелки.

– Вот значит как.

– Да, все очень просто, – кивнул головой Лайгор.

– Глава, ужин готов, – с достоинством произнесла подошедшая Медая.

– И это хорошо, – поднимаясь, произнес воин. – Корми, а то мы все скоро захлебнемся слюной.

Как и обещала Пышка, ложки после позднего ужина вылизали все без исключения. Разварная гречневая каша со свежим мясом, луком и морковью, приправленная специями, была воспринята на ура. А ароматный горячий чай из смеси нескольких душистых трав, который подала под занавес Медая, принес усталым разумным спокойствие. Многие после него начали откровенно клевать носами. Все время, пока народ насыщался, девушка не отрывала взгляда от Атея (как только в рот при этом попадала своей ложкой?), пытаясь понять, угодила она своей готовкой ему или нет. Мнение остальных для нее, конечно, тоже было важно, все-таки она считала себя хорошей поварихой, несмотря на возраст. Но теперь все они отходили на второй план. Был глава, была семья и весь остальной мир. И именно мнение Старшего их рода было для нее определяющим.

Даринка, та, вообще, устроилась по левую руку от Атея, стараясь поплотнее прижаться к нему, ища защиты, которой так долго у нее не было. Такое, конечно, не практиковалось в этом мире, чтобы женщина сидела в компании мужчин, особенно, если эти мужчины – воины. Исключение, правда, делалось женщинам-бойцам, были здесь и такие. Но, увидев взгляд, с которым девчушка смотрела на своего главу, Хальд уступил ей свое место, которое она незамедлительно заняла подле Атея.

А еще Призрак заметил, что не все мясо Медая использовала в готовке. Сейчас она намазывала его смесью перца и соли, бормоча себе под нос, что и завтрак обеспечит, пусть глава не беспокоится. Сам Атей в очередной раз пришел к выводу, что поступил правильно, поддавшись порыву принять в новообразовавшийся род двух этих девиц. Не было у них с Саем в этом мире близких, так почему не быть первыми именно им? Не такой уж и редкой для Тивалены практикой было принятие в род. Выживает, как говорится, сильнейший. И чем больше клан, род, семья, племя, тем больше у него для этого возможностей. Были даже случаи, когда в один большой клан объединялось два, а то и более, но маленьких рода. Не заключали союз, а именно сливались. Правда, в этом случае, не всегда, но возникали другие проблемы – дележ власти между главами объединившихся родов.

Парень не тешил себя какими-то иллюзиями. Он понимал, что даже для Гайна, Лайгора и Хальда его род – это пока лишь только красивое название. Для всех аристократов Тивалены

он никто и звать его никак. Но это пока, в этом он был уверен точно. Сегодня первые монетки в копилку с названием «Деяния славного рода Сайшат» он уже бросил. Вот эти же разумные разнесут вести о том, что здесь происходило, по своим знакомым, а те еще дальше. Вот только деяния они разные бывают, и, чтобы из славных они не превратились в порочащие, в этом его, как главы рода, задача и состоит. Как воспитаешь своих сородичей, такую отдачу и получишь. Ну а то, что он не может предъявить кучу благородных предков – не беда. У истоков любой династии стоял кто-то первый.

– Даринка, отстань от главы, – позвала девчушку Медая. – Мне нужна твоя помощь.

Девчушка с нескрываемым на лице сожалением отстранилась от сильного плеча Атея, забрала у него опустевшую глиняную кружку и направилась к костру, где ее ждала Пышка.

– Спросить хотел, – повернулся парень к Хальду. – А где тот висельник, что успел...

– Обделаться? – улыбнулся тот.

– Ну, я немного по-другому хотел сказать, – тоже улыбнулся Атей. – Но ты понял меня правильно.

– В овраге, наверное, как и остальные, – сказал Северянин.

– Не понял, – тон Призрака изменился. В его словах стал появляться холод, известный уже практически всем здесь присутствующим. – Разве это был не мой пленник?

– Призрак, выслушай, не заводись, – как можно тверже произнес Хальд. – Его Медая упокоила. Тот хотел их насильничать вместе с Даринкой, но тогда Шамрай не дал.

– Кто?

– Главарь, которому ты ноги подрубил. Удержал Шамрай, но Медае крепко досталось, когда она Даринку защищала. И этот хургов выкормыш, я уверен, нашел бы момент и время повторить свою попытку. Вот и не удержалась девица, когда увидела его стоящим на коленях с мокрыми портками.

– Чем она его? – уже спокойно проговорил Атей.

– Камнем. Как я понял, она просто хотела бросить в него подобранную каменюку, чтоб тот тоже испытал боль, какую она терпела. Но видно руку ее сами боги направили – точно в висок.

– Хорошие у меня родичи, – широко улыбнулся парень, глядя на Медаю и Даринку, раскладывавших запекаться на углях мясо.

– Как стражу будем делить, Хальд? – спросил Лайгор. – До рассвета осталось, конечно, совсем ничего...

– Не надо ничего делить, – перебил его Атей. – Пусть все отдыхают, мы с Саем посторожим. Усталый воин – слабый воин.

– А сам? – спросил альв.

– Я могу не спать очень долго, – коротко ответил парень.

– Раз дело обстоит так, – сказал, поднимаясь, Хальд, – то нам действительно стоит хорошо отдохнуть. В словах Призрака у меня нет причин сомневаться. Только перед тем как отправиться на боковую, я хотел бы тебе задать вопрос, Атей.

– Да?

– Твое имя что-то обозначает?

– На языке моих предков оно обозначает – Тайный.

– Что-то в этом роде я и предполагал.

И воины начали укладываться спать, а кто-то уже давно видел не первый сон.

Лес Приграничья. Даринка из рода Сайшат

Боги слышали ее молитвы, думала девушка, прижавшись к плечу своего главы. Могла ли она подумать еще день назад, что не только получит свободу, но и обретет семью, о которой мечтала с тех самых пор, как лишилась родителей, у которых была единственным ребенком? Да у нее даже в мыслях такого не было. Все, что ей было уготовано – это стать подстилкой для того, кто выложит за нее больше денег. И хорошо, если она будет удовлетворять только своего хозяина. А если ее купят для известных заведений, где каждый, имеющий в карманах золото, утоляет свои самые потаенные и низменные желания? Нет, теперь об этом даже вспоминать не хочется. Теперь она Даринка из рода Сайшат, во главе которого стоит самый лучший в этом мире воин.

А ведь она его сначала испугалась. Да и как не испугаться, когда в ночи рядом с тобой беззвучно проходит черная тень. Призрак, как есть призрак – правильно разумные ему второе имя дали. А как он висельников разделал? Надо было видеть, как бывалые воины ходили по поляне и только причмокивали и мотали головами. Впечатлил их наш глава, ох впечатлил. Уж если альв сказал, что работал великий мастер, то это что-то да стоит. Эти должители не зря считаются одними из самых лучших воинов Тивалены. А как тут не стать лучшими, если можно оттачивать свое ремесло не одно столетие. Правда, те же андейцы не во многом им смогут уступить. Альвы все же более утонченные натуры и берутся за оружие, только когда им это необходимо, а вот северянам война – это хлеб. Откуда она это знает? Так не один год она прислуживала за столом барона, когда к нему приезжали собутыльники – такие же бароны. О чем только ни трепались на таких посиделках.

Эх, как хорошо рядом с сильным мужчиной. Кстати, а кем она с Медаей будет доводиться Атею? Впрочем, не важно, сам скажет потом. Да хоть женой, мне уже скоро пятнадцать, так что перед богами все будет законно. И то, что глава не человек, а они с Медаей люди, тоже ничего не значит. Вон дом Изгоев, там вообще намешано так – сама Хатиар не разберет, но ведь живут? Да еще как живут. Сунулись было к ним люди, чтобы проверить на слабо. Ну как же, собрались отбросы, которые ни темным, ни светлым альвам не нужны, почему не пощупать? Так, те им так всыпали, что уже три десятка лет их на прочность никто не проверяет. А сам дом Изгоев превратился в сильное и уважаемое государство Лес альвов-изгоев. Эх, Медая зовет, надо идти помогать, но сейчас они разберутся с делами, и она снова придет к главе, спать почему-то совсем не хочется.

Пока воины разговаривали, Даринка и Медая зажарили на углях мясо. У Хрока была металлическая решетка для таких случаев, так что всего и дел, что переверачивай куски, чтобы не подгорели. Закончив, убрали ароматные куски в уже отмытый котел, накрыли его крышкой и пошли к Атею.

– Глава, не помешаем? – обратилась к Призраку Медая, когда они с девушкой подошли к задумчивому парню, который крутил в руках карту, нарисованную на куске мягкой, хорошо выделанной кожи.

– Нет, – поднял тот голову. – Присаживайтесь, я сам с вами хотел поговорить, но думал это сделать завтра, когда вы отдохнете.

– Мы не устали, – ответила за обеих старшая девушка. – Это воины бились, а мы в повозке тряслись все время. Хрок дорожил своей репутацией, поэтому свой товар держал в образцовом порядке.

– Ясно, – кивнул парень. – Теперь очень внимательно меня слушайте и старайтесь не перебивать. Первое: забудьте, вычеркните из своей жизни все дни рабства, чтобы я даже не

слышал от вас про этот период вашей жизни. Это не потому, что я боюсь, что вскроется правда, откуда вы попали в род. Мне плевать на это. Я хочу, чтобы в вас не осталось ни капли рабского почитания. Вы мои сестры, вы Сайшат. И этим все сказано. Запомните, как вы поставите себя, так разумные и будут воспринимать вас, а теперь и весь род. Репутация семьи складывается из репутаций отдельных ее членов. Это понятно?

– Да, глава.

– Да, глава, – практически одновременно ответили девушки.

– Второе: у нас пока, как говорили мои предки, ни кола, ни двора. Но уверяю вас – это ненадолго. Как только я определюсь с нашими дальнейшими планами – все это появится. Пока же, Медая, я обращаюсь в первую очередь к тебе, как к старшей, нужно выбрать самую лучшую повозку из каравана. Временно она станет нашим домом.

– Это повозка купца, – сразу же сказала девушка.

– Вот и забирай ее, – кивнул Атей. – Как-никак – это наша добыча. Коней для нее подберем завтра. К барахлу купца пока не лезь, ну разве только подберите себе по паре комплектов одежды, если она есть у него. Не след ходить хоть и в чистых, но все-таки обносках. На данный момент это все, что я хотел сказать. Вопросы?

– Глава, – спросила Даринка, – а как ваш девиз написать буквами?

– Наш, девочка, наш. Привыкай, – улыбнулся парень.

– Да наш, – тут же поправилась девушка.

– Есть на чем написать?

– Есть, – вскочила Даринка. – Я у купца пергамент видела и свинцовый карандаш. Я сейчас.

И прежде, чем Атей ее успел остановить, она молнией метнулась к стоящим повозкам. Уже скоро она протягивала парню несколько отлично выделанных листков и пару свинцовых карандашей.

– Ну, смотри, пигалица, – взяв в руки писчие принадлежности, произнес Атей.

Вскоре на пергаменте на языке его создателей появилась надпись: «Где Честь, там и Правда».

– Странные буковки, я таких никогда не видела, – сказала очень внимательно наблюдавшая за ним Даринка.

– Это язык моих предков.

– А символ у нашего рода есть? – задала вопрос Медая.

– Ты имеешь в виду герб?

– Ну, наверное. Вон у Хальда это Ледяной Волк, у них с Последышем и пряжки поясов с головами волков. А у нас?

Атей задумался, но совсем ненадолго. А чего он хотел? Род это серьезно. У него должен быть не только герб, но и свои цвета. Иначе, как его отличить от огромного количества других семей?

– Смотрите сюда, – взял он следующий лист. – Наш герб выглядит так. Треугольный щит с расположенным за ним вертикально мечом, рукоятью вверх. На щите – вставший на задние лапы Сай, – кивнул он на лежащего Кота, – в его правой поднятой лапе вот такие весы, означающие, что правду мы определяем не на глазок. По низу щита лента, на которой слова нашего девиза. Цвет щита, как и меча, стальной, фигура Сая черная. Лента с девизом алая, цвета крови, буквы на ней тоже стального цвета.

– Стальной цвет, значит серебряный? – уточнила Даринка.

– Пусть будет серебряный, – кивнул головой Атей. – Только не блестящий, а черненный.

– Все ясно, – серьезно ответила девушка.

– И последнее на сегодня, перед тем как вы пойдете спать, – откладывая листы, сказал парень. – Я для вас – первый после бога.

– Какого? Парона? – недоуменно переспросила Даринка.

– Глава хотел сказать, – улыбнулась Медая, – что только боги могут стоять выше него.

– Именно так, – подтвердил Атей. – Идите, отдыхайте.

Девушки встали, неумело, но с достоинством, поклонились своему главе и отправились к повозкам. Завтра, точнее уже сегодня, будет первый их день на Тивалене уже в новом качестве.

Лес Приграничья. Стоянка каравана, бывший лагерь висельников

Луны, Ночные Жемчужины, как их назвал Лайгор, уже закончили свой путь, истаяв в предрассветных сумерках. В трех локтях над землей клубился густой, как молочный кисель, туман. Только возле жаркого костра оставалось большое пятно прозрачного воздуха. В лесу наступила та часть суток, когда ночные обитатели расползлись по своим убежищам, а их дневные сменщики еще не проснулись.

Атей, превратившись в неподвижную статую, глядя на игру языков пламени, размышлял о своих дальнейших действиях. Каким бы замечательным ни был его порыв принять в род, который с легкой руки Лайгора, появился на Тивалене, двух новых членов – он повесил на себя пусть и не обузу, но ответственность. Были бы это воины, все бы обстояло иначе. Побродили бы по дорогам немного. За это время он бы постарался узнать больше об окружающих его реалиях. Возможно, в карманах появилась бы лишняя монета. Кстати, надо выяснить у Узелка или Хальда, с теми средствами, что теперь есть у него, – на что он может рассчитывать? Теперь же, как ни крути, а до этого герцогства, как его там... а Гальт-Резен (хорошая карта у покойного главаря была) прогуляться придется. Что в настоящий момент главное? Правильно – информация. А в дороге ее собирать намного проще, все видишь своими глазами.

Следующий момент. Караван он все-таки решил вернуть купцу. Причем почти весь. На это было несколько причин. Первая: нечего на пустом месте в настоящий момент разводить недоброжелателей. Вон как торгош на него зыркает, дырку, наверное, протер уже. Хотя сам Атей не нарушил ни одного закона: ни писаных, ни негласных. И сам Хрок это тоже понимает, но поделаться с жадностью, которая изъедает его как ржа железо, – ничего не мог. Вторым моментом было то, что как только вся эта собственность перейдет в руки Атея, он будет вынужден нанимать охрану, службу, погонщиков, короче всех тех, кто до этого сидел на шее караванщика. Конечно, все это можно было сделать прямо здесь, на месте. Но вот не хотелось парню вешать этот хомут себе на шею, и все тут. Потом весь этот товар нужно как-то и кому-то сбыть (ну, не выкидывать же). Потом... Не, про потом даже думать не хочется, мороки с караваном тьма. Пусть уж лучше всем этим Хрок занимается, может, и зачтется в будущем его щедрость.

Ну, и третье. Как ни крути, а с местом постоянного жительства тянуть не стоит. Девушек в кибитке таскать за собой он не собирался. А будет дом, должна быть прислуга, охрана и так далее.

Как же все не просто. Куда проще бродить с Саем налегке. Но как говорится, взялся за гуж – паши. Не совсем точно, но по смыслу верно. Прочь уныние, будем решать проблемы по мере их поступления.

«Светает, Старший». – Кот встал и грациозно потянулся.

«Как быстро ночь прошла». – Парень тоже поднялся.

«Я пойду, воздух понюхаю вокруг?» – кинул зов Сай.

«Давай, – кивнул воин. – А я разомнусь».

Отдавать все свободное время совершенствованию своих боевых навыков было вбито в Атея на генном уровне, в прямом смысле этого слова. А уж про то, что день должен

начинаться с разминки, об этом и говорить не приходится.

Стоя с голым торсом над разложенными перед ним вещами, он решал, с каким оружием провести сегодня утреннюю тренировку-разминку. Наконец, решившись, он остановился на своих мечях. Покинув уютные ножны, Поющий и Защитник удобно устроились в ладонях воина.

Отойдя на пару десятков шагов от костра, Призрак остановился. Клинки замерли в опущенных руках. Закрыв глаза, с помощью специальных дыхательных упражнений парень начал разгонять по жилам кровь, которая с каждым новым ударом сердца, обогащенная кислородом, разогревала мышцы. Перехватив меч в левой руке обратным хватом, он завел его за спину, а Поющим начал медленные, отработанные несчетное количество раз движения. Через некоторое время ситуация поменялась: теперь правая рука оставалась неподвижной, а клинок в левой чертил свой замысловатый узор в предрассветном воздухе. Закончив упражнения по отдельности с каждым мечом, Атей перешел к парному фехтованию. Сначала это была работа в горизонтальной плоскости, где каждому клинку был выделен свой сектор. После этого вектор атак поменялся на вертикальный: теперь Поющий хозяйничал в верхней плоскости, а его младший, но не менее грозный брат нес ответственность за ту область, что была ниже пояса воображаемого противника. Движения воина всегда начинались очень медленно. Постепенно Атей скорость наращивал, при этом практически не двигался, стоя на слегка согнутых ногах, – работали только руки.

Но вдруг настал тот момент, когда парень сорвался в стремительный танец. Фигура воина заскользила над землей. За движением мечей теперь было невозможно уследить. Они серыми тенями металась из одного положения в другое, чередуя плоскости и секторы атаки. Режущие и рубящие удары менялись стремительными выпадами и уколами. Все так же, с закрытыми глазами, воин полностью отдался рефлексам. Мозг практически не контролировал движений, здесь не было противников, чтобы следить за ними и отслеживать ситуацию, работала исключительно мышечная память. Когда, наконец, Атей остановился, на поляну упали первые робкие лучи Хассаша.

– Интересная техника, – услышал он голос, когда, замерев, стал приводить немного сбившееся дыхание в норму.

Открыв глаза, парень увидел, что все, без исключения, смотрят на него. Воины, в отличие от караванщиков, подошли поближе и теперь вполголоса комментировали утреннюю разминку Атея. Ближе всех стоял Лайгор, который и задал вопрос.

– Призрак, согласишься провести со мной учебный поединок? – задал Узелок вопрос, когда парень подошел к своей одежде.

– Почему бы и нет? – пожал плечами воин. – Вот только оружие сменю.

– Отчего же? – удивился альв.

– Боюсь испортить твой меч, – улыбнулся парень, на что Лайгор лишь непонимающе пожал плечами.

Вытерев Поющего и Защитника сухой тряпицей, Атей отправил их в ножны, а сам подхватил посох, носком ноги ловко подбросив его от земли.

– Прошу, – взяв шест вертикально в левую руку и заведя его за спину, правой он с легким поклоном, указал на центр поляны.

– Спасибо, гаризэр, – таким же вежливым кивком ответил альв.

– Счет до трех побед, – произнес Хальд, вызвавшийся быть судьей в этом учебном бою. Оба воина кивнули и встали друг против друга, на расстоянии трех шагов. Атей уже

перехватил свое оружие. Теперь он держал его в правой руке, взяв за один из концов. Второй конец лежал перед ним на земле в направлении противника. Лайгор свой тонкий изогнутый меч в правой руке тоже направил вперед. Его острие в слегка согнутой в локте руке указывало на носки сапог Атея. Вторая рука была заведена за спину.

– Бой, – воскликнул Хальд.

Призрак не стал затягивать с атакой, решив, что возможности своего противника проще узнать сразу, так сказать, разведка боем. Стремительно перехватив посох левой рукой посередине, парень концом шеста, лежащего на земле, довольно чувствительно ударил снизу альва по запястью, сбивая его атаку, которую он начал, увидев движение Атея. Не останавливаясь, Призрак делает подшаг правой ногой вперед и противоположным концом шеста проводит атаку в голову Узелка.

– Очко, Атей, – вскрикивает Хальд, когда тупой конец посоха останавливается у левого виска альва.

Лайгор кивнул головой, как бы говоря, что оценил своего противника и его маневр, на что Атей ответил ему легкой улыбкой. Бойцы снова разошлись. Теперь альв стал намного осторожнее, и, когда прозвучала новая команда Хальда на начало боя, он тут же отпрыгнул от Призрака на пару шагов, выставив перед собой клинок острием к левому плечу. Атей не стал преследовать его, а двинулся по окружности, обходя Узелка с правой стороны, держа посох вертикально за спиной в правой руке. Новую атаку начал Лайгор, стремительно сблизившись и проведя секущий удар от левого плеча вниз по диагонали. Отклонив назад корпус, Призрак дождался, когда меч противника окажется в нижней точке своей траектории, и только потом нижним концом шеста подбил ноги альва, укладывая его на траву. На обратном движении вторым концом боевого посоха он провел удар в голову поднимающегося противника, естественно, не доводя его до конца.

– Очко, Атей, – снова выкрикнул Северянин.

– Впечатляет, – поднимаясь, сказал Узелок.

Взирающие на поединок зрители не видели никаких изменений в поведении Лайгора. Вот только сам Атей своими обостренными чувствами ощущал легкое раздражение, рождающееся в стоящем перед ним воине. И это было действительно так. Считающий себя довольно искусным бойцом, Узелок никак не мог подобрать тактику боя со стоящим перед ним противником, вооруженным не таким уж и распространенным на Тивалене оружием.

И снова противники изготовились, встав друг напротив друга.

– Бой, – скомандовал Хальд.

Без промедления Лайгор закрутил своим легким клинком перед собой восьмерку, оставаясь на месте и предлагая противнику самому начать атаку. Атей понял это и предложение принял. Стремительный тычок концом посоха в грудь альва был легко отбит лезвием клинка. Тогда Призрак провел серию стремительных ударов, все также концом посоха, но теперь они были выполнены на разных горизонтах. Мелькавший, словно игла неизвестной в этом мире швейной машинки, конец шеста пытался найти брешь в обороне противника, чередуя удары в голову, корпус, живот и ноги Лайгора. Но все они были отбиты его клинком, превратившимся к этому времени в сплошной размазанный силуэт. Решив больше не испытывать оборону противника на прочность, Атей, перевел свою атаку в горизонтальную область, ударив по дуге на уровне колен альва. Не успев разорвать дистанцию, Узелок был вынужден подпрыгнуть, прекращая на миг крутить свою восьмерку, чтобы пропустить под собой оружие Призрака. И когда это у него получилось, опускаясь, он

снова был готов прикрыться «стальным веером», получил мощный удар в грудную клетку ногой, от которого его, словно пушинку, унесло от Атея, выбив на мгновение из легких весь воздух.

– Очко, Атей, – выкрикнул Хальд и тут же кинулся к распростертому на траве альву. Его примеру последовали и остальные воины. Уж слишком мощным был удар Призрака. Сам Атей тоже не остался на месте.

– Как ты, Лайгор? – первым подскочив к лежащему воину и опустившись перед ним на колено, спросил парень.

– Как бревном приложили, – наконец вздохнув и улыбнувшись, ответил тот.

– Прости, не рассчитал, – как-то по-детски повинулся Атей, чем вызвал дружный смех столпившихся вокруг них воинов.

– Не рассчитал он, – покачал головой Хальд. – Да Узелка унесло, словно его из катапульты запустили.

– Да, полет был знатным, – поддержал его Гайн.

– А уж что я чувствовал, – поднимаясь, сказал альв. – Словами этого не передать. Призрак, дашь несколько уроков?

– Без проблем, – протягивая руку и сжимая запястье Лайгора, ответил он.

– Какие планы у тебя дальше, Атей? – спросил Хальд. – От твоего ответа зависит, как нам быть дальше.

– Дай мне немного времени, чтобы я привел себя в порядок, а потом за завтраком все расскажу, – ответил парень.

– Добро, – кивнул Северянин. – Даринка, иди, помоги своему главе, хватит его глазами поедать.

Атей повернулся в сторону костра, где собрались все остальные разумные, входящие в состав каравана. На лицах людей читалось восхищение. Далеко не всегда обычные обыватели становятся свидетелями поединка очень умелых воинов, пусть этот бой и учебный. А в глазах Даринки, помимо этого, еще и какое-то немое поклонение и превосходство проскальзывало. Превосходство над всеми теми, кто сейчас стоял вокруг нее, за исключением Медаи. У той вид был похожий. Видели, мол, какой у нас глава рода? То-то и оно, запомните и другим передайте.

Улыбнувшись этому, Атей кивком головы подозвал к себе девочку.

– Даринка есть вода, пот смыть?

– Конечно, глава. Я мигом.

Девчонка умчалась в сторону кибиток, откуда уже вскоре появилась с перекинутой через плечо чистой холстиной и ведерным бурдюком с водой, который несла, чуть ли не волоча по земле.

– Поднять сможешь? – видя усилия девушки, спросил парень.

– Смогу, – кивнула она.

Приняв водные процедуры, Атей насухо вытерся приготовленной холстиной и, вешая ее на плечо девушки, спросил:

– Завтрак будет?

– Разумеется, – снова кивнула девчонка. – Медая уже все приготовила.

– Молодцы, – похвалил он их, направляясь к своим вещам.

Во временном лагере стояла обычная походная суета. Люди давно проснулись и теперь готовились к новому дню. Кто-то ушел поить коней, кто-то помогал Медае разогреть мясо

и готовить травяной чай. Воины облачались в доспехи. Все были заняты своими делами, и только купец со своей супругой понуро сидели на бревне, не зная, что им уготовлено далее. Все зависит от этого странного воина, который стал владельцем всего, что раньше принадлежало им.

Рядом с костром по-прежнему был расстелен плащ, на котором вчера воины и караванщики сложили оружие и деньги, собранные с висельников.

– Лайгор, – позвал альва Атей. – Мне нужна твоя помощь.

– Всегда к твоим услугам, Призрак, – ответил он, подойдя к парню.

– Смотри, – он показал содержимое мешка Шамрая – бывшего главаря, бывшей банды, высыпав его на траву. – Сможешь оценить, какие средства мне достались?

Пока Узелок, опустившись перед выложенными мешочками с монетами, камушками и драгоценностями, оценивал их стоимость, Призрак подозвал Медая.

– Корми людей, мы скоро.

– Да, глава, – кивнула она и возвратилась к костру.

– Что скажешь? – снова обратился он к альву. – Я совсем не знаю ваших цен и даже не представляю, что досталось мне в наследство.

– Ну что тебе сказать, Призрак, – поднимаясь, ответил Лайгор. – Поздравляю, ты стал довольно состоятельным разумным. Содержимого вот только этого мешка вполне хватит, например, чтобы купить хороший каменный дом в два этажа в том же самом Мегаре. Плюс к этому трофейное оружие, деньги и побрякушки с рядовых висельников и, наконец, сам караван. Хрок из первой сотни торговцев купеческой гильдии. А такие люди бедных караванов не водят.

– Спасибо тебе, Лайгор, – поблагодарил парень. – Я понял тебя. Сейчас позавтракаем, а потом определимся с дальнейшим.

– Хорошо, – ответил альв, пожав плечами, как бы говоря, что ты теперь всему этому хозяин, свой контракт они выполнили.

Завтрак не затянулся. Разогретое на огне мясо, горбушка хлеба и травяной чай – вот и вся трапеза, за которую Пышку все сердечно поблагодарили.

– Медая, останься, – сказал Атей девушке, когда решил перейти к делам. – Лайгор, Хальд, Гайн и вы, уважаемый Хрок, прошу подойти ко мне.

Когда все названные разумные встали перед ним, парень заговорил:

– Как меня просветили Лайгор и Хальд, – он указал на воинов, – теперь весь этот караван принадлежит мне. Как и остальные трофеи с висельников. Я прав?

– Да, Призрак, – ответил Северянин, а остальные поддержали его кивками головы.

– Раз так, я поступаю следующим образом. Хальд, Узелок, Гайн, пусть все воины выберут из этой кучи, – он указал на расстеленный плащ: – свои деньги и вещи. Позже, – увидев, как те были готовы разойтись отдавать команду своим бойцам, остановил он их. – Давайте сразу определимся со всем, чтобы лишний раз не собираться. Не люблю пустой говорильни. Теперь с вами, уважаемый Хрок. Я возвращаю вам весь ваш караван со всем его содержимым...

– Господин Призрак, – засияли глаза купца. – Вы так благородны.

– Подожди, Хрок, не перебивай, – придержал он торгаша. – Я еще не все сказал. Я возвращаю вам весь караван, за исключением той повозки, которую выбрала Медая, и некоторых вещей, выбранных ею же. Ну и, конечно, коней для этой повозки я тоже возьму. Всем остальным можешь распоряжаться, как и прежде. В таком случае контракт воинов,

сопровождаящих вас, не будет считаться завершённым, и они смогут выполнить все условия заключенного между вами договора. Я думаю – это будет по справедливости.

– Это по Правде, – кивнул Северянин.

– Даже более чем, – поддержал его альв. – Это щедро со стороны Призрака.

– Да, господин Атей, – вынужден был согласиться с воинами купец, хотя в его взгляде той радости, которая у него была до этого, он уже не видел. – Только до Резена еще почти два дня пути, а охрана уменьшилась больше чем вдвое.

– К чему вы мне рассказываете это? – удивился парень.

– При повторном нападении, если таковое случится, оборониться будет совсем трудно, а вам предложить сопроводить нас я не решаюсь. Вы и так заработали столько, сколько я за пару лет не смогу. Да и денег у меня все равно нет за наем, даже если бы вы согласились.

– Не юли, Хрок, не люблю этого, – хмуро произнес парень, но потом, улыбнувшись от пришедшей ему идеи, добавил: – Я думаю, мы сможем договориться. У купца первой сотни гильдии наверняка найдутся знакомые, которые скупят все мое трофейное оружие по самой справедливой цене?

– А вот в этом не сомневайтесь, – немного повеселел Хрок.

– Тогда мы договорились, я сопровождаю вас до Резена, оплатой моих услуг будет сбыт трофейного оружия. На никакие дополнительные условия я не претендую, кроме трофеев, конечно, если они подвернутся. Это святое.

Воины поддержали его дружным смехом. Их всех кормил меч, поэтому они очень трепетно относились к своей добыче. И тому, кто покусился бы на чужое, пришлось бы, ой, как плохо.

– Я вас больше не задерживаю, – сказал всем Атей. – Кроме тебя, Медая. Повозку, как я понимаю, ты уже подобрала?

– Да, глава.

– Нужные нам вещи? – она снова кивнула. – А одежду, про которую я говорил?

– И это тоже.

– Так почему вы в этом старье?

– Я думала... – растерялась девушка, но быстро пришла в себя. – Мы мигом сейчас все исправим.

– Теперь не спеши, – придержал за руку Пышку Атей, которая собиралась умчаться к фургону. – Еще раз прикинь все, что нам нужно в дороге и на первое время житья-бытья. Если что забудешь – потом придется у купца уже покупать за свои денежки. Но и в повозку старьевщика фургон не превращайте. Сейчас дождешься, когда воины разберут с плаща свое – все оставшееся в казну рода. И вот это тоже, – кивнул он на мешок Шамрая, от вида которого у девушки округлились глаза.

– Да, мы теперь совсем не босяки, – улыбнувшись ее виду, продолжил Атей. – Ты отвечаешь за казну и сама прикидываешь, что и в каком количестве нам нужно. Если мне нужны будут деньги, я обращаюсь к тебе. Ясно?

– Да, – уже пришедшая в себя, ответила Медая, чувствуя, какая ответственность ложится на ее плечи.

– И последнее, – протягивая небольшую лакированную коробку, проговорил парень. – Это вам с Даринкой.

– Что это? – хотела она открыть крышку.

– Потом посмотрите, как с делами управитесь, – улыбнулся Призрак, придержав

ладошку Медаи.

В коробке лежали два комплекта ажурных, сделанных из серебра височных колец. Их он нашел в мешке главаря висельников и решил подарить своим девчатам.

– Иди, занимайся, – отпустил он Медаю.

Сам Атей отошел под дуб, где уже лежал вернувшийся Сай, наблюдая за суетой, творившейся на поляне.

«Как пробежался?» — присаживаясь рядом, спросил парень.

«Нормально, Старший. Вокруг все тихо».

Вскоре к ним подошёл Лайгор.

– Спасибо тебе, Призрак.

– За что?

– Да за все. Ты поступил воистину благородно.

– Полно, Лайгор. У моего народа есть присказка «На чужом несчастье счастья не построишь».

– Верно сказано. Кстати, за голову Шамрая давали хорошую награду – сто золотых.

– Кто давал? – не понял Атей.

– Да сами купцы и давали. Слишком много крови он у них успел попить.

– И как получить эти деньги?

– Предъяви голову в любом гильдейском отделении и получи свои золотые.

– А в какой стране? – заинтересовался парень.

– Да в любой. Отделения гильдии есть в любом большом городе, за исключением лесов альвов. Да вот хоть в Резене, куда мы идем.

– Спасибо, Лайгор. Кстати, пока народ собирается, еще раз расскажи мне про деньги, какие монеты есть, как они соотносятся между собой?

– Хорошо, слушай, – присаживаясь рядом, сказал Узелок. – Существуют медные, серебряные и золотые монеты. Каждое людское королевство чеканит свои монеты, но все они, по договоренности между ними, обладают одинаковой массой и размером. Стран много, размеры их не большие, и постоянно менять в каждом новом королевстве на местные деньги свои сбережения – не дело. Хотя и были предложения хитрых дельцов устроить сеть таких меняльных пунктов. Но тут уж взбунтовались купцы. Зарабатывать, не прилагая к этому никаких усилий, лишь на доле от сделки – кому это понравится? А первыми менять деньги стал бы кто? Правильно, купцы, которые от этого бы только теряли, выплачивая ту самую долю. Вот и не прошел у них этот трюк. Самая мелкая монета – это медный пул или просто медяк. Полезно в кармане штук с полста иметь. Орешков в меду на рынке купить, зеленушки всякой. Потом идет серебряный звонг, в одном звонге сто пулов. И наконец, золотой данер. Он содержит пятьдесят звонгов. Меньше пула монеты нет, что не скажешь о серебре. Каждый звонг равен десяти серебрушкам, более мелкая монета, для удобства расчетов.

– И что можно купить на одну серебрушку?

– На одну серебрушку? – задумался альв. – Ночь с ужином не на самом дрянном постоялом дворе будет стоить именно столько. В крупных городах и столицах королевств, конечно, это удовольствие встанет дороже в два-три раза. Но это не все денежные средства. Есть еще наследство от империи.

– Какой империи? – заинтересованно посмотрел на него Атей. Про это он абсолютно ничего не знал.

– Империи Криса Великого, которая закончила свое существование более шести

десятков лет назад. Я тебе как-нибудь расскажу. Так вот в наследство от империи остались деньги, которые ходили в ее бытность, они так и называются империалы: золотой и серебряный. Один золотой империал – это десять данеров или десять серебряных империалов. Как видишь, серебряный империал равен золотому данеру. Эх, измельчал мир, – как-то тоскливо вздохнул альв.

«*Старший, по-моему, сейчас наша Медая совершит смертоубийство*», – послал зов Сай.

– Вижу, – вслух произнес Атей.

– Да, Призрак, империя – это империя, – задумчиво протянул Лайгор, но, поняв, что парень говорит совсем о другом, спросил: – Постой, ты о чем?

– Да вон Медая сейчас Хроку глаза выщарапает, – показал он в сторону стоящих фургонов, в которые уже давно были запряжены лошади. Рядом с ними о чем-то сильно спорили купец и Пышка, постоянно кивая на приплясывавшего рядом черного, как смоль, жеребца, которого удерживали два погонщика за растянутые поводья.

– Надо посмотреть, – пружинисто поднялся Атей. – А то ведь не удержится, приложит торгоша чем-нибудь. А рука у нее тяжелая, один висельник уже испытал это.

– Это точно, – согласился с ним Лайгор, поднимаясь вслед Призраку.

Как оказалось, спор развернулся вокруг того самого жеребца, которого ушлый купец почему-то решил забрать себе. Сам Атей не обратил бы на это никакого внимания, их повозка запряжена, а остальное, как и договаривались, он возвращал купцу. Однако Медая это почему-то не понравилось, вот и развернулся у них нешуточный спор, грозящий перерасти в рукопашную схватку. Как уже понял парень, Пышка была из тех людей, что чужого не возьмет, но и своего не отдаст. Кстати, они с Даринкой уже приоделись и теперь в скромных на первый взгляд, но добротных и чистых дорожных платьях смотрелись совсем по-другому. Ни одному разумному не пришло бы в голову, что еще вчера вечером они были рабынями. И на каждой были подаренные Атеем височные кольца. Даринка, нет-нет да скосит на них взгляд, скорее всего, это были первые в ее жизни украшения.

– Что здесь происходит? – поинтересовался он у девушки, когда они с Лайгором подошли к столпившимся тут же караванщикам.

– Глава, – немного остыла Медая, увидев Атея. – Хрок ограбить нас хочет.

– Не понял? – посерьезнел Призрак.

– Наговаривает девка, – вскрикнул купец.

– Ты, Хрок, следи за своим языком, – потянуло от голоса парня морозцем. – Девкой ее могу назвать только я, так как она мой родич, и то, если провинится, а для тебя она Медая Пышка из рода Сайшат. Ты все понял?

– Да, господин, – струхнул купчишка.

– Так о чем тут крик? – повторил он свой вопрос.

– Вы же сами сказали, что Медая отберет для вас одну повозку, коней в нее и необходимые вам вещи, а все остальное вы возвращаете мне.

– Да, так и было, – подтвердил Атей его слова. – Кроме трофеев.

– Вот, – воскликнула Медая. – Кроме трофеев, а этого коня в караване не было.

– Ну откуда ты знаешь, Медая? – снова возмутился купец. – Вы все время в кибитке просидели, нос наружу не вытаскивали.

– Ай, ай, ай, Хрок, – закивал головой Лайгор. – Призрак, а он, и правда, хотел тебя обокрасть, да еще как обокрасть. Вот этот красавец, – показал он на жеребца: – не кто иной,

как матиеец, причем чистокровный. Самая дорогая порода лошадей, выведенная давным-давно в империи. Адым, я прав?

– Прав, Узелок, – подошел пошатывающийся урукхай. – Во всем прав. Это двухлеток-дикарь. Откуда его Шамрай взял – уже никто не узнает. И стоит он как минимум пять сотен золотых.

– Фиу, – присвистнул Атей и покачал головой. – Вот значит, как ты за добро мне отплатить хотел, Хрок.

– Господин, – тут же бухнулся ему в ноги купец. – Не губи. Убытки хотел восполнить.

Призрак посмотрел на лебезящего купца хмурым взглядом и, наконец, сказал:

– Сделаешь еще что-то подобное – пожалеешь.

– Никогда, господин, никогда больше, – поднимаясь, затряс головой торгаш.

– Призрак, только он не объезженный, – между тем продолжил Адым Лошадник, как видно не просто так получивший свое второе имя. – Скорее всего, Шамрай его у ловцов отбил. Чистокровных в обжитых землях почти нет, а те, что есть, – все наперечет. Полукровок хватает, тоже хорошие кони, а чистокровных мало. И если появляется новый матиеец в королевствах, то только по заказу, мало разумных, которые готовы выложить за лошадь пять сотен золотых. Отличная лошадь, если приручаются, становятся верными и послушными как собаки.

– А что, бывает и не приручаются? – удивился парень.

– Бывает, – кивнул Адым. – Вот этот, кажется из таких.

– С чего взял?

– На копытах есть подковы, но седло если и надевали, то совсем ненадолго. Пытались объезжать, но ничего не получилось, я так думаю.

– Если так думает Адым, так и есть, – сказал Хальд. – Я не видел лучшего знатока лошадей.

Черный жеребец, удерживаемый двумя мужиками, косил свой фиолетовый глаз на разговаривающих воинов. Он уже показал им свой нор, разбив одному из мужиков нос, и теперь немного успокоился. Но судя по тому, как дрожали его мышцы, все еще был напряжен. А вскоре вообще задрожал, широко раздувая ноздри.

«Сай?»

«Да это я, – из-за спины Атея появился Кот. – Боится, но коняшка знатная. Я улавливаю обрывки его чувств».

«Кажется, и у меня это, получается», – проговорил мысленно Призрак, действительно уловив, как ему показалось, эмоции коня. Там были и непокорность двуногим, и тоска по воле, где можно мчаться наперегонки с ветром, и любопытство, что, наверное, и сгубило его и позволило изловить.

– Медая, дай горбушку хлеба побольше и посыпь ее солью, – протянул Атей руку, пристально глядя на жеребца.

– Бесплезно, Атей, – покачал головой урукхай, которому все труднее было стоять на ногах. – Не купится он на это.

– Посмотрим, – ответил парень.

Медая скоро поднесла краюху ржаного, немного черствого хлеба, круто посыпанного солью. Атей забрал угощение и медленно направился к жеребцу. Увидев приближающего воина, конь неожиданно резко рванулся, вырывая из рук одного из мужиков поводья. Но это было его последним успехом. Метнувшийся к нему Призрак не дал встать ему на дыбы,

крепко ухватив двумя пальцами за нежные ноздри. Жеребец обиженно заржал, но попыток вырваться больше не предпринимал, слишком много боли ему приносили ногти этого двуногого, впивающиеся при каждом движении в его плоть.

– Спокойно дружок, спокойно, – как можно более мягким голосом зашептал воин, стараясь вместе с этим послать волну успокоения животному. – Я не обижу тебя. Как можно обижать такое сильное и красивое животное? Посмотри внимательнее на меня и на Сая, ведь мы очень похожи на тебя. Мы, как и ты, любим свободу и независимость. Сай ходит на четырех лапах, а я на двух – и между тем мы самые близкие с ним существа в этом мире, такими и останемся. Ты очень любопытен, тебе мало стало степных просторов, или где ты там обитал? Я угадал? Угадал. Но тебя сразу захотели поставить под седло. Если хочешь, я отпущу тебя прямо сейчас, но тогда ты не увидишь ничего нового и снова окажешься там, откуда пришел. А если хочешь, можешь присоединиться к нам с Саем. Да, я буду иногда пользоваться твоими услугами, но взгляни с другой стороны – какие новые горизонты откроются перед тобой. А то, что с нами скучно не будет – я тебе обещаю.

Может, Атею и показалось, но ему вдруг подумалось, что конь его понял, во всяком случае, когда он отпустил ноздри, тот остался стоять совершенно спокойно и протянутое угощение принял с благосклонностью, захрумкав черствой горбушкой.

– Отпусти, – парень вырвал у второго мужика, который все еще удерживал жеребца, поводья. Отстегнул их, оставив на коне только уздечку, которую, немного подумав, тоже снял. Все-таки он обещал его отпустить хоть сейчас. А вдруг жеребец все же захочет уйти? Что ему, так и носить на голове это «украшение»?

– Решай, дружок, – прошептал в ухо коню Атей и похлопал его по сильной шее.

Когда Призрак повернулся к остальным, то увидел потрясенные взгляды, направленные на него. Разумные, вообще, все то короткое время, что знали его, не переставали удивляться этому странному воину. Каждое его новое действие порой ввергало их в ступор. То, что он первостатейный воин, они уже поняли. Но как? Как, хурги его задери, он так быстро смог договориться с матийцем-дикарем, что тот принял из его рук угощение? Эти своенравные кони начинали принимать угощение с рук (причем только своих хозяев) лишь тогда, когда их воля была уже сломлена. А этот взял и теперь хрустит соленой горбушкой, прикрывая от блаженства глаза. Тут одно из двух: или ему помогают сами боги, или он спутался с нечистым^[12] и его слугами. Ну, не укладывалось у них в голове поведение Призрака и, главное, его способности.

– Н-да, – задумчиво проговорил Адым. – Если бы я все не видел своими глазами, то никогда бы не поверил в это. Ты как ряшка, Атей, открываешь первую, а под ней еще одна, но уже другая, совсем не похожая на первую. И в ней тоже скрывается ряшка, только вот какая – никто не узнает, пока не откроешь. И самое главное, сколько этих ряшек скрывается одна в другой?

Пока Лошадник произносил свою речь, парень смотрел на него с легким недоумением.

– Знаешь, Адым, – сказал он, когда урукхай закончил. – Я вот стою, слушаю тебя и не пойму. Ты меня сейчас оскорбил, назвав ряшкой, или наоборот – сделал мне комплимент?

Воины дружно заржали.

– Понимаешь, Призрак, – отсмеявшись, сказал Лайгор. Именно альв взял на себя обязанности негласного наставника Атея, поясняя ему те или иные моменты из реалий Тивалены. – Ряшка – это такая деревянная игрушка. Вернее сказать, этих игрушек несколько, и все они прячутся одна в другую, начиная с самой маленькой. Иногда их количество

достигает дюжины. Ее появление в этом мире приписывают самому Крису Великому, правителю империи. Сидя как-то в задумчивости, он нарисовал эту игрушку. На вопрос одного из мастеровых, бывшего свидетелем этого: «Что это такое?» Крис ответил, что это детская игрушка, и пояснил тому, что она собой представляет и как называется. Название было на каком-то незнакомом мастеру языке, из которого он понял только «ряшка». Именно под этим названием предприимчивый человек вскоре и показал первую деревянную игрушку. Тогда это было всего три ряшки, упрятанных одна в другую. Но игрушка так понравилась народу, что уже скоро многие деревщики стали клепать их различных размеров и раскрасок.

– Скорее всего, Крис Великий сказал «матрешка», – улыбнулся Атей.

– Может быть, и так, – задумчивым взглядом посмотрел на него Лайгор, но продолжать разговор не стал.

– Господин, – обратился к Атею Хрок. – А когда мы продолжим движение?

– А я тут причем? – удивился парень. – Кто до этого командовал, пусть и продолжает. Я всего лишь пополнение к его отряду, и только.

– Я понял тебя, Призрак, – вмешался Хальд, благодарно кивнув ему при этом.

Дело было не в том, что Северянин был честолюбив и не любил конкуренции. Просто он понимал, что когда действует уже сформировавшийся отряд, знающий своего командира и что от него ожидать, начинать перетягивать одеяло командования друг на друга – не самая удачная идея. Понимал это и Атей и, несмотря на то, что практически все здесь присутствующие успели оценить его лидерские качества, вносить изменения в установившийся порядок он не собирался. Не меняют коней на переправе.

– Слушаем сюда, – над поляной раздался уверенный голос Хальда. – Порядок следования каравана следующий...

Решив не слушать общих команд для караванщиков (всем понятно, что воинам наставления Северянин будет давать отдельно), Атей снова приблизился к жеребцу, который с нескрываемым любопытством смотрел на развернувшуюся на поляне суету.

– Ну и как тебе все это? – кивнул он на ругающихся погонщиков, снующего туда-сюда Хрока и невозмутимо на все это взирающего Хальда.

– Пфрр, – зашлепал губами жеребец, давая понять, что вся эта суета ему до одного места.

– Вот и я о том же, – поддержал его Атей. – Кстати, если решишь остаться, я буду называть тебя Агат. Нравится?

Конь немного склонил голову набок, присматриваясь к такому необычному, непохожему на всех остальных здесь присутствующих двуногому. Парень же продолжал:

– У моих предков был известен камень – черный агат. Так вот, по поверьям – это камень тех, кто может повести разумных за собой, чему-то их научить, объединить в достижении какой-либо цели. Может, немного нескромно, если все это примерять на себя, но этот камень мне нравится.

«А ему нравится, как ты его назвал, Старший», – послал зов Сай.

«Точно?»

«Да. И мне кажется, он останется».

Каким бы ни был необычным Атей, но почему-то у Кота получалось чувствовать жеребца намного лучше, чем ему. Сам парень улавливал только обрывки эмоций коня, в отличие от своего четвероногого друга. Кстати, Сай лежал тут же, в двух шагах от Агата, и тот его абсолютно не боялся, в отличие от других своих сородичей, которые при приближении

хищника начинали шарахаться и испуганно ржать.

– Глава, – подошли к парню Медая и Даринка, которая держала в руках что-то очень похожее на накидку. – Мы тоже подарок тебе сделали.

– Что это?

– Это накидка для тебя, с гербом нашего рода.

Только тут парень заметил в складках одежды серебряные нити. Взяв из рук девушки подарок, он расправил его перед собой на вытянутых руках. На ткани черного цвета красовался герб рода Сайшат, точно такой, какой он вчера рисовал для любопытных девушек, вышитый серебряными нитями. Да так искусно, что он невольно залюбовался им.

– Красиво, – тихо проговорил он. – Когда же вы успели?

– Это Даринка все – она у нас настоящий мастер иглы, – улыбнулась Пышка.

– Спасибо, девчата, – искренне произнес Атей, а потом приподнял Даринку, поцеловал ее в щечку, от чего та залилась румянцем, и добавил. – Спасибо, сестренка.

– Кстати. Повозкой кто править будет? – опуская девчужку, поинтересовался он.

– Сами справимся. Хрок столько запросил, чтобы уступить своих погонщиков, – дешевле самим.

– Я помогу, если ты не против, – услышав их разговор, подошел Адым. – Мне все равно в седле пока рановато сидеть.

– Спасибо, Лошадник, буду благодарен, – кивнул Атей.

– Брось, Призрак, – махнул урукхай рукой. – Это мы тебе благодарны, век не рассчитаться.

Хальду все-таки удалось навести порядок, иначе какой бы он был командир. Вскоре обоз начал медленно выдвигаться, покидая поляну, на которой каждый из них успел побыть пленниками и вновь обрести свободу. Фургон рода Сайшат занял свое место в середине каравана. На козлах, положив рядом с собой тяжелую урукхайскую саблю, сидел и правил Адым Лошадник. Рядом с ним устроилась Медая. Даринка, свесив ноги с повозки, расположилась в заднем проеме фургона, закинув на крышу закрывающий его полог, чтобы тот не мешал ей любоваться окружающим пейзажем. Атей и Сай шагали следом, а рядом с ними, как это ни странно, вышагивал черный, как смоль, жеребец. Агат.

Караван купца Хрока Серебрушки. Даргасский тракт

Мощные битюги размеренно тянули повозки по укатанной до каменной твердости дороге. Как и предполагал Атей, Хальд для каждого воина определил в караване свое место. Все воины Северянина и примкнувшие к нему кавалеристы Гайна, за исключением Адыма и Последыша, были на конях. Снори, кстати, попросил разрешения перебраться в их повозку, видите ли, ему скучно слушать погонщиков о том, сколько овса надо задать лошади, чтобы у нее не случилось проблем с животом, и теперь вовсю развлекал Даринку и Медая. Атей шел пешком, отправив Сая в головной дозор, и разговаривал с ехавшим рядом альвом.

– Лайгор, – обратился он к воину, который внимательно следил за окрестностями. – Я вчера в разговорах слышал название Пепелище. Что это?

– Теперь это пустынные территории, – ответил Узелок. – Слушай, Призрак. Почти семь десятков лет тому назад центр Тивалены занимало одно-единственное государство – Империя. Ты уже не раз слышал об этом. Ее основателем и единственным правителем был Крис Великий. Откуда появился этот воин, так до конца и неизвестно. Ни его соратникам, что живут и поныне, ни его летописцам. Вместе с ним было несколько ближников, как он их

сам называл, тоже первостатейные воины. Впоследствии их назвали Тенями – это была личная охрана императора, следовавшая за ним неотступно. За неполный десяток лет Крис, собрав не очень большую, но боеспособную армию, смог объединить несколько мелких государств, занимавших в то время территории будущей Империи. Он не делал различий между разумными. Не важно, к какой расе ты принадлежишь, им оценивались только твои личные качества и умения. Не удивительно, что вскоре народ к нему потянулся. В самом начале разумные вообще подумали, что появилась новая сильная банда висельников, поэтому первыми к нему ринулись разбойники разных мастей, решивших пригреться рядом с удачливым главарем. Вот только вместо сытой и пьяной жизни они нашли все ту же веревку на шею и придорожный сук в качестве последнего пристанища.

Тогда-то умные головы и подумали, что разбойник Крис совсем не разбойник, а новый вождь, который чего-то хочет добиться в этой жизни. Именно после этого его армия и начала пополняться уже настоящими воинами, которым не нашлось места в своих родах и семьях. Тут были и изгнанные из своих лесов альвы – темные и светлые. Урукхай, не видевшие в своих стойбищах достойного для себя будущего. Северяне, гномы, люди – все, так или иначе не нашедшие у себя на родине применения или не довольные царившими там устоями.

Не сказать, что все сразу было прекрасно и гладко. Когда в одном котле начинают вариться такие разные по своим взглядам на жизнь, манерам поведения, родовым обычаям и еще куче причин разумные – смесь получается очень гремучей. Сколько Крису со своими Тенями пришлось подавить междоусобных волнений – знает, наверное, только он да Парон, рядом с которым он наверняка сейчас сидит за дружинным столом.

Именно он, Крис Великий, вывел веру в бога воинов на новую ступень. Парон и раньше был известен на Тивалене, и почитатели у него были. Но именно будущий правитель Империи сделал так, что имя Парона сегодня все воины, независимо от расы, произносят наравне, а то и впереди имен своих богов, на что те, кстати, совсем не обижаются. Я имею в виду богов.

– Или духи, – раздался голос с козел.

– Или как у урукхаев – духи, – согласился с Адымом Лайгор. – А у северян – предки. Ты сам постепенно узнаешь все тонкости местного верования, Призрак. Но самым главным, я считаю, было то, что Крис принес в этот мир Правду. Будучи вначале негласными воинскими правилами, они постепенно дополнились и расширились, превратившись в свод законов, который были обязаны, понимаешь, Атей, обязаны исполнять все жители Империи, без исключения. Разница между сословиями, конечно, была, куда же от нее деться, и рабы были, в основном из пленных или приговоренных к этой доле разумных. Но даже рабов их хозяева не могли запороть до смерти, лишь по своей прихоти.

[Купить полную версию книги](#)

Парон – бог воинов в пантеоне Тивалены.

Великая – самая протяженная и полноводная река Тивалены.

Первоматерь, Мать Природа – верховное божество альвов.

Меланист – животное с темным окрасом (почти альбинос, только наоборот).

Марикка – богиня смерти в пантеоне Тивалены.

Обер – младший офицерский чин в войсках королевства Даргас.

Хург – мелкий бес – проказник в тиваленской мифологии.

Андея – северные территории Тивалены.

Гаризэр – уважительное обращение к мужчинам, принятое среди благородных.

Нумейцы – кочевой народ, живущий на юго-западе Тивалены и промышляющий разбоем.

Берг – аналог земного медведя, отличается от него более крупными размерами.

Нечистый – аналог дьявола на Тивалене.